

CINE

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 41 исследовательский центр и 27 международных лабораторий, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№87 / Осень 2016

Кризисные ситуации в Европе

- 6 Брекзит и будущее Европы
Фиона Хантер, Ханс де Вит
- 7 Европейские университеты после экономического кризиса
Йо Ритцен

Коррупция и профессиональная этика

- 9 Академическая этика как глобальная проблема
Елена Денисова-Шмидт
- 10 О культуре коррупции в индийском высшем образовании
Вильям Тирни, Нидхи Сабхарвал

Трансграничное образование

- 12 Сколько автономии у международных филиалов?
Меган Клиффорд, Кевин Кинзер
- 14 Стремление Сингапура к превращению в «глобальный образовательный центр»
Джейсон Тан
- 16 Чем может выделиться международный филиал вуза
Рейчел Мерола
- 17 Транснациональное образование в китайских средних школах
Фион Лим

Интернационализация

- 19** Международные консультационные советы: новый аспект интернационализации
Филип Дж. Альтбах, Георгиана Михут, Джамил Салми
- 21** Интернационализация образовательного процесса в колледжах Израиля
Амит Маранц-Галь

Университеты мирового класса

- 23** Работают ли инициативы академического превосходства по созданию университетов мирового класса?
Джамил Салми
- 25** Финансирование университетов мирового класса
Алекс Ашер
- 26** Два основных препятствия на пути к повышению конкурентоспособности российских вузов
Филип Дж. Альтбах

Частное высшее образование

- 29** Частное высшее образование во Вьетнаме: проблемы управления и образовательной политики
Дао Т. Х. Нгуен
- 30** Ключевая роль частных вузов в развитии высшего образования в Латинской Америке
Данте Х. Сальто

Страны и регионы

- 32** Диверсификация источников дохода и реформы в эфиопском высшем образовании
Кибром Менгисту Фелеке
- 35** Высшее образование на Западных Балканах: тенденции и трудности последних лет
Люция Брайкович

Новости Центра по изучению МВО

Брекзит и будущее Европы

Фиона Хантер, Ханс де Вит

Фиона Хантер — заместитель директора Центра интернационализации высшего образования Католического университета Святого Сердца в Милане, Италия. E-mail: fionajanehunter@gmail.com.

Ханс де Вит — директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: dewit@bc.edu.

Итак, британцы проголосовали за выход страны из Европейского союза, и британские университеты, а также все европейское академическое сообщество до сих пор не могут оправиться от шока. Академическое сообщество – и преподаватели, и студенты – пламенно отстаивали противоположную позицию, что подтверждается результатами голосования в университетских городках, более 70% жителей которых высказали желание остаться в ЕС. Ключевой вопрос в том, приведет ли выход Великобритании из ЕС к оттоку мозгов из страны. В настоящее время примерно 5% студентов британских вузов — граждане стран ЕС. Они составляют самую большую группу иностранных студентов в стране, и их присутствие не только способствует повышению разнообразия студенческого контингента британских вузов, но и приносит экономике Великобритании около 3,7 млрд фунтов стерлингов ежегодно. Неопределенность в области визовых требований и стоимости обучения для граждан ЕС может снизить число европейцев, заинтересованных в учебе в Великобритании. Примерно 15% всех преподавателей британских вузов — граждане стран ЕС, которые теперь ищут подтверждений тому, смогут ли они продолжать свою работу и строить карьеру в Великобритании. Стали появляться тревожные сообщения о росте числа расистских инцидентов, которые стали происходить даже в университетской среде, не поддерживавшей выход страны из ЕС, что также может снизить интерес многих иностранных ученых к карьерным перспективам в Великобритании. Поскольку сторонники брексита враждебно настроены против иммигрантов, вполне вероятно, что количество

**Ключевой вопрос
в том, приведет ли выход
Великобритании из ЕС
к оттоку мозгов из страны.**

ученых и студентов из стран, не входящих в ЕС, заинтересованных в приезде в Великобританию, снизится. Прошедшая кампания была совершенно неприглядной, и хотя сторонники выхода из ЕС вряд ли думали о высшем образовании, держа в руках избирательный бюллетень, принятое на референдуме решение повлечет за собой радикальные последствия и для британских, и для европейских университетов.

Сейчас, когда все меняется, университеты могут только пытаться минимизировать проблему, заверяя преподавателей и студентов в том, что хотя бы в краткосрочной перспективе все будет хорошо, несмотря на то что в области регулирования права на работу и учебу остается множество открытых вопросов. Вызывает серьезную озабоченность и вопрос финансирования науки, особенно с учетом того, что британские университеты всегда выигрывали несоразмерно много грантов ЕС, а некоторые из них в значительной степени зависят от европейского финансирования. Непонятно также, смогут ли британцы в будущем участвовать в программе Erasmus+. Возможно, будет найдено решение по примеру швейцарской или норвежской модели: эти страны платят за участие в данной программе из собственных средств. Но на данный момент вероятность такого решения невысока, учитывая состояние британской экономики в сравнении с экономикой Норвегии и Швейцарии.

Все эти опасения привязаны к более масштабным вопросам, связанным с академическим обменом и сотрудничеством, свободой передвижения талантов, участием в работе международных сетей. Выход Великобритании из европейского пространства высшего образования кардинально меняет ситуацию для всех.

Как так вообще вышло?

В начале нынешнего века, когда казалось, что объединенная Европа становится все крепче и сильнее, подобные результаты референдума были немыслимы. Европейский союз расширился с 15 стран до 28, евро стал единой валютой в 19 странах, была создана Шенгенская зона, куда вошло 20 стран — членов ЕС и еще шесть государств, не входящих в ЕС (впрочем, Великобритания отказалась и от евро, и от Шенгенского соглашения). Покуда проект объединения Европы шел вперед, его фундамент начал ослабевать под действием различных внешних и внутренних сил. На глобальном уровне теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года вызвал рост нестабильности и усиление страха перед терроризмом, и хотя одни считали объединение Европы верным ответом на угрозу терроризма, другие, наоборот, видели в нем проблему. Голландские и французские избиратели отклонили в 2005 году проект единой европейской конституции, а начавшийся в 2008 году мировой экономический кризис только породил новые страхи и конфликты. Европу настиг экономический и политический кризис, вдоль ее границ разыгралась беспрецедентная по масштабу трагедия беженцев, и процесс интеграции разлетелся

на кусочки. С тех пор проблемы стали серьезнее, а атмосфера — более напряженной. Былой дух сотрудничества значительно снизился, нарастает неуверенность, потому что пока институты европейского общества оказались не в состоянии справиться с новыми трудностями. Все больше распространяются антиевропейские настроения, и в итоге брекзит стал кульминацией этого процесса.

Брекзит и европейское пространство высшего образования

Когда в начале текущего века было создано европейское пространство высшего образования, все еще было по-другому. Благодаря успеху программы Erasmus Болонский процесс быстро наращивал темп, и в результате вместо четырех стран в 1999 году в 2010-м в нем участвовало уже 48 стран, 5600 вузов и 31 млн студентов. Первоначальной целью Болонского процесса была унификация дипломов, системы учета учебных дисциплин и контроля качества образования внутри ЕС, но он быстро обрел и внешнее измерение. Сближение структур и инструментов было направлено не только на интенсификацию сотрудничества внутри Европы, но также на повышение мировой конкурентоспособности и привлекательности европейского высшего образования. Именно тогда европейские университеты почувствовали ветер перемен, так как глобализация и развитие экономики знаний требовали от вузов большей напористости, привлечения лучших мировых кадров и работы над своим имиджем. Болонский процесс обеспечил возможность поиска общих решений общих проблем.

И хотя болонские реформы получили широкое признание, потому что за 10 лет удалось достичь того, чего правительствам многих стран не удавалось на протяжении десятилетий, Болонский процесс двигался в разных странах неравномерно и с переменным успехом. Эта тенденция только усилилась с ускорением глобализации, которая привела к невиданному доселе уровню экономической и политической нестабильности и волатильности в странах ЕС, хотя сами вузы при этом продолжали верить в идею европейского сотрудничества и много от нее выиграли.

Как двигаться дальше?

Брекзит четко дал понять, что, как бы международные или европейские университеты себя ни вели и ни позиционировали, они существуют в определенном национальном контексте, который в значительной мере задает (а иногда ограничивает) их намерения, виды и масштаб деятельности. Принятое политическое решение может отрицательно сказаться на интернационализации университетов, хотя, с другой стороны, оно только показывает, что нужно уходить от риторики и начинать четко позиционировать интернационализацию как неотъемлемую часть академической жизни.

Целенаправленное включение интернационализации в институциональное целеполагание позволит вузам продемонстрировать в первую очередь себе, а затем и правительству значимость международного сообщества студентов и преподавателей. Многие британские вузы сейчас публикуют заявления, в которых говорится о ценности многообразия, о том, что многообразие — залог их успеха. Однако необходимо более четко формулировать, что такое международное научное сотрудничество и международные студенты и как все связанные с вузом люди от этого выигрывают.

Британским вузам придется найти новый подход к интернационализации — не только как к источнику престижности и дополнительных доходов, а также показать значение подлинной инклюзивности, о которой говорится в официальных документах и заявлениях. Британские вузы — прекрасный пример того, как европейское сотрудничество может помочь процветанию, сделать университеты более жизнестойкими и способствовать более эффективному достижению поставленных целей. Впереди трудный путь, но, если Великобритания перестанет быть частью европейского пространства высшего образования, от этого проиграют абсолютно все.

Европейские университеты после экономического кризиса

Йо Ритцен

Йо Ритцен — профессор международной экономики науки, технологий и высшего образования в Университете Маастрихта, Нидерланды. E-mail: j.ritzen@maastrichtuniversity.nl.

В 2015 году завершился семилетний экономический кризис, и экономика большинства стран Европейского союза снова начала расти. Во время кризиса снизились экономический рост и поступление налогов, бюджетные средства расходовались для спасения коммерческих банков, во многих странах значительно увеличились государственный долг и уровень безработицы среди молодежи. Для того чтобы в условиях бюджетного дефицита соответствовать «маастрихтским критериям» в части соотношения государственного долга и ВВП, правительствам приходилось урезать бюджет. Это оказало влияние на университеты как через сокращение объема финансирования в расчете на одного студента, так и через снижение объемов предоставляемой студентам в виде займов и в меньшей степени в виде грантов финансовой помощи.

Практически нигде в ЕС, за исключением Великобритании, вузы не получили права компенсировать сокращение бюджетного финансирования повышением стоимости обучения, хотя некоторые страны, такие как Дания, Голландия и Швеция, стали принимать студентов, не являющихся гражданами ЕС, на условиях оплаты полной стоимости обучения.

В контексте сокращения ВВП и объема средств, выделенных на спасение банков, Европу финансово-экономический кризис задел сильнее, чем США. Это почувствовали на себе и вузы, и студенты. За время кризиса уровень государственной поддержки высшего образования, включая финансовую помощь студентам, снизился более чем в половине из 22 европейских стран и регионов, статистику по которым собирает Европейская ассоциация университетов. Сильнее всего пострадали Греция и Венгрия, потерявшие более 40% финансирования. Университеты, расположенные в странах, обратившихся за помощью в Европейский стабилизационный фонд (Ирландия, Кипр, Греция, Испания, Португалия), испытывали огромную нехватку средств на основные расходы, стипендии для студентов, проведение исследований.

В контексте сокращения ВВП и объема средств, выделенных на спасение банков, Европу финансово-экономический кризис задел сильнее, чем США.

Снижение конкурентоспособности Европы

В 2000 году Европейский союз принял Лиссабонскую стратегию, направленную на повышение конкурентоспособности региона через экономические инновации, развитие науки и высшего образования. Экономический кризис замедлил этот процесс, а в ряде стран и вовсе остановил его. Задача сокращения государственного долга по-прежнему актуальна для многих стран, что ограничивает возможности государства по поддержке высшего образования и науки.

Европейская программа студенческой мобильности «Эразмус» выиграла от кризиса, так как поток студентов значительно вырос. Однако студенческая мобильность внутри ЕС (лишь 4% студентов европейских университетов — граждане других стран ЕС) значительно ниже, чем мобильность американских студентов в университетах США. Скорее всего, продолжится

рост притока в Западную Европу обеспеченных студентов из финансово неблагополучных стран (преимущественно южных), даже несмотря на то, что языковое разнообразие продолжает оказывать негативное влияние на развитие мобильности в Европе.

Сегодня в странах ЕС принята единая структура учебных степеней (бакалавр, магистр, PhD), что стало результатом Болонского процесса, запущенного в 1999 году. Тем не менее организационная структура вузов в разных странах существенно различается из-за значительных законодательных отличий. В некоторых странах вузы обладают слабой автономией, практически полностью подчиняясь правительству в финансовых, организационных, академических вопросах и даже в принятии кадровых решений. За время кризиса практически все университетские реформы были приостановлены, т.к. политические события и ситуация постоянной неопределенности не способствовали их успешному проведению.

Профессионализм выпускников во многом связан с особенностями финансирования и организационной культуры университета. Кризис отрицательно сказался на инновационном потенциале экономики европейских стран, который зависит от уровня профессионализма граждан. То, что уровень исследовательской продуктивности продолжил расти, скорее всего, явилось результатом инвестиций, сделанных еще до кризиса. Будущее покажет, как кризис сказался на науке, особенно в странах (преимущественно южных), ушедших в глубокую рецессию. Сокращение государственного финансирования науки удалось частично компенсировать благодаря рамочным программам Европейского союза по развитию научных исследований и технологий, которые также стимулируют сближение европейских стран. В то же время реализуемые во многих странах национальные «программы академического превосходства» (в Германии на нее выделяют значительные средства), наоборот, отдаляют страны друг от друга.

Судя по всему, вузы северо-западных, центрально- и восточноевропейских государств оказались более устойчивыми к влиянию кризиса, чем вузы стран, расположенных на юге Европы. Поэтому можно ожидать, что разрыв в уровнях профессионализма выпускников вузов в странах Северной и Южной Европы будет становиться значительнее.

Нет практически никаких данных, позволяющих утверждать, что кризис способствовал стимулированию инноваций в европейских вузах, — ни с точки зрения содержания и методов обучения, ни с точки зрения науки.

Сохранение равенства возможностей

Если оценивать объем доступной студентам финансовой помощи в сравнении с общим объемом государственного финансирования вузов, то можно сказать, что доступность высшего образования в Европе не пострадала. Европейские страны старались

не допустить во время кризиса увеличения прямых расходов студентов на высшее образование в качестве компенсации за снижение государственных расходов. Европейская традиция, гарантирующая равенство доступа к высшему образованию за счет низкой либо вообще отсутствующей платы за обучение и большого количества грантов для студентов, резко критикуется за то, что дает значительные преимущества представителям высшего и высшей части среднего класса, так как дети из более обеспеченных семей имеют более высокие шансы на поступление в университет. С этой точки зрения подход, при котором студенты платят за обучение значительные средства, но имеют возможность получить льготный кредит в случае необходимости (такая система используется сейчас в Великобритании), представляется более справедливым. Однако он не вписывается в политические традиции континентальной Европы.

Тем не менее, по сравнению с США, доступность высшего образования в Европе практически не пострадала от кризиса. Судя по всему, кризис создал больше препятствий для поступления в вузы для молодых американцев из семей с низким и средним уровнем дохода, чем для европейцев (несмотря на схожее соотношение объема доступной студентам финансовой помощи к ВВП).

Академическая этика как глобальная проблема

Елена Денисова-Шмидт

Елена Денисова-Шмидт — лектор в Университете Санкт-Галлена, Швейцария, научный сотрудник Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: elena.denisova-schmidt@unisg.ch.

Wall Street Journal бьет тревогу: обучающиеся в США иностранные студенты списывают значительно чаще американских. По данным издания, статистика в государственных вузах страны за 2014-2015 учебный год такова, что в списывании было уличено в среднем пять из каждых 100 иностранных студентов и всего один из 100 американских. А по данным лондонской газеты Times, в период с 2012 по 2015 год на списывании в Великобритании было поймано около 50 000 студентов университетов, причем иностранные студенты не из ЕС делают это в четыре раза чаще, чем европейские. В том же 2014-2015 учебном году австралийская иммиграционная служба отозвала визы более чем у 9000 иностранных студентов за нарушение академической этики.

Почему это происходит и в чем заключается нарушение академической этики? Нарушения академической этики могут приобретать разные формы: помимо списывания это могут быть, например, посещение занятий и сдача экзаменов за других студентов, плагиат, оказание каких-либо услуг или подарки преподавателям, оплата за помощь при поступлении или за оценки, получение вариантов предстоящих экзаменов и тестов, преференции при обучении, подделка дипломов.

Почему иностранные студенты жульничают чаще?

Многие пойманные на списывании студенты приехали из стран, в которых повально распространена коррупция. Исследование, проведенное в государственных университетах России, в стране с высоким уровнем коррупции, в том числе в системе образования, показало, что за время обучения в университетах значительно возрастает лояльность студентов по отношению к различным проявлениям недобросовестного поведения: к «использованию неположенных материалов во время экзаменов» возрастает на 12%, к «списыванию во время экзамена или теста» — на 25%, «скачиванию курсовых (или других письменных работ) из интернета» — на 15%, к «покупке курсовых (или других письменных работ) в специальных фирмах или у других студентов» — на 12,5%, к «обману преподавателей о причинах своей низкой успеваемости» — на 11%. Результаты исследования показывают, что студенты старших курсов гораздо лучше первокурсников осведомлены о случаях взяточничества в своем вузе: разница составляет 52%. Российские студенты нередко оправдывают такое поведение тем, что им приходится многое механически заучивать и писать слишком много работ по «ненужным», с их точки зрения, предметам.

Образовательный портал sdxue.com занимается мониторингом китайских лжеуниверситетов с 2013 года. В настоящее время в списке этого сайта более 400 сомнительных вузов. Эти вузы привлекают выпускников школ, получивших низкий балл по гаокао (национальному вступительному экзамену), а также неискушенных абитуриентов из небольших городов и сельской местности. Эти вузы выбирают названия, практически идентичные названиям уже существующих и хорошо известных в Китае университетов. Так, например,

Иностранные студенты не из стран ЕС, по данным Wall Street Journal, попадают на списывании в четыре раза чаще.

Пекинский институт гражданского строительства и архитектуры использует в рекламных материалах фотографии созданного 80 лет назад Пекинского университета гражданского строительства и архитектуры, а Пекинский университет медицинских наук Тунцзи — липовый вуз, предлагающий получить диплом всего за 300 юаней (около 45 долларов США), судя по всему, придумал свое название, вдохновившись Медицинской школой Тунцзи, ведущей медицинской школой Китая. Подвергнувшись публичному разоблачению, подобные вузы часто просто меняют доменное имя своего сайта и продолжают свою «образовательную деятельность». Журналисты газеты New York Times обнаружили компанию Ахаст, которая с 2015 года предлагает фейковое онлайн-образование по всему миру. По оценкам, ежегодная прибыль этой компании, главный офис которой расположен в Карачи (Пакистан), составляет десятки миллионов долларов.

Еще одним возможным объяснением того, почему иностранные студенты чаще жульничают, могут быть различия академических культур разных стран. Во многих странах от студентов ожидается бездумное повторение того, что им рассказывают преподаватели; иные мнения могут быть сочтены «неправильными». Соответственно, можно предположить, что иностранным студентам сложно интегрироваться в западную культуру академической свободы, им нужно время, чтобы сориентироваться в том, как она устроена. В других странах и языковых традициях могут быть иные подходы к написанию исследовательских работ, чем в США или Великобритании. К тому же академическое письмо может не являться частью школьной программы. Еще одна возможная причина списывания — плохое владение языком обучения.

Что университеты могут сделать?

Лонгитюдное обследование студентов австралийских университетов, проводившееся в 2004-2014 годах, показало, что решением проблемы списывания может стать использование программ сличения текстов и проведение разъяснительной работы о принципах академической добросовестности. Однако эти методы помогают бороться лишь с некоторыми типами жульничества, например с обычным плагиатом. В 2001 году Германская служба академических обменов (DAAD) открыла совместно с немецким посольством в Пекине агентство по академической экспертизе Akademische Prüfstelle. Оно занимается проверкой полученных в Китае документов об образовании и проводит собеседования со студентами, заинтересованными в продолжении обучения в Германии, по профильным дисциплинам. Подобная двойная проверка, которой нередко сопутствует сдача языковых тестов, как правило, обязательна для китайцев, которые хотели бы поступить в немецкие, австрийские, бельгийские или швейцарские университеты. Помимо использования различных средств по борьбе с плагиатом, например программ Turnitin или Unplag, преподаватели

также должны, раздавая задания, более четко объяснять студентам требования с учетом их культурного и образовательного опыта. Хотя ожидать и тем более требовать подобного от преподавателей непросто: те, кто стремится получить постоянное место, должны регулярно публиковаться, а преподавательская деятельность оказывается не столь важна с точки зрения получения повышения; остальные же преподаватели заботятся о том, чтобы с ними продлили контракт; а административные сотрудники не хотят терять иностранных студентов, которые приносят вузу значительный доход. К тому же многие не готовы открыто говорить о случаях жульничества среди иностранных студентов, чтобы их не приняли за расистов. Все это влечет за собой серьезные последствия: плохо подготовленные люди или люди с поддельными дипломами получают шанс найти ответственную работу, но их непрофессионализм может стать причиной серьезных ошибок, которые могут стоить кому-то жизни. Вузы должны признать, что такая проблема существует, и начать выделять необходимые ресурсы на минимизацию недобросовестного поведения среди студентов.

О культуре коррупции в индийском высшем образовании

Вильям Тирни, Нидхи Сабхарвал

Вильям Тирни — профессор наук о высшем образовании и соруководитель Центра высшего образования им. Пуллиаса Университета Южной Калифорнии. Он недавно прошел стажировку по программе Фулбрайта в Индии. E-mail: wgtiern@usc.edu.

Нидхи Сабхарвал — доцент Центра исследований политики в высшем образовании Национального университета планирования и управления в образовании в Нью-Дели, Индия. E-mail: nidhis@niua.org

В любом вузе найдутся люди, которые будут делать что-то неподобающее. Студент, который списывает на экзамене. Профессор, который подделывает результаты эксперимента. Ректор, который набивает свои карманы. Эти индивидуальные проступки неприемлемы и подлежат обличению, но ошибки отдельных людей — это одно дело, а системная коррупция — совсем другое. О системной коррупции можно говорить, когда в вузах и в системе высшего образования в целом процветают различные аморальные схемы поведения.

Большое беспокойство вызывает тот факт, что индийская система послешкольного образования является олицетворением коррупции. Индия привлекла внимание всего мира в тот момент, когда была раскрыта скандальная схема с участием тысяч людей, сдававших за абитуриентов вступительные экзамены в медицинские вузы. Ответы на вступительные экзамены регулярно сливаются. Картинки того, как родственники абитуриентов в прямом смысле карабкаются по стенам и лезут в окна, чтобы передать своим детям шпаргалки, на долгое время застряли в общественной памяти.

Проблемы являются системными. Двадцать пять лет назад индийское правительство встало перед дилеммой: с одной стороны, стояла задача значительно увеличить количество молодых людей, продолжающих получать образование после окончания школы, а с другой — на это не было средств. Начали расцветать частные некоммерческие колледжи. По данным Министерства социального развития, в Индии насчитывается 35 357 вузов и 32,3 млн студентов. 22 100 из этих вузов — частные. Более чем в 60% вузов (частных и государственных) обучается менее 500 студентов, в 20% — менее 100 студентов. Хотя многие согласны, что система пронизана коррупцией, большинство людей тревожат лишь новости, приходящие из этих 22 100 частных колледжей. При этом большая часть новостей, которые попадают в СМИ, связана с небольшими колледжами, где учится меньше 500 студентов.

Никто не утверждает, что все частные вузы коррумпированные; однако и масштабные опросы не позволяют составить представление о распространении недобросовестных практик. Кто же признается в опросе, что занимается коррупцией? Тем не менее те, кто связан с высшим образованием в Индии, признают, что случаи, о которых мы поговорим в этой статье, не единичны. По закону частные вузы должны быть некоммерческими. Тем не менее сложившаяся в них система управления ведет к тому, что они получают доход черным налом, то есть взятками. Частные колледжи благоприятствуют обогащению всех, кто имеет к ним отношение.

Индия привлекла внимание всего мира в тот момент, когда была раскрыта скандальная схема с участием тысяч людей, сдававших за абитуриентов вступительные экзамены в медицинские вузы.

Факторы развития коррупции

Агенты. Абитуриенты часто обращаются в колледж не напрямую, а через так называемого агента, посредника. Колледжи тоже зависят от агентов в вопросе привлечения необходимого количества абитуриентов. Агенты берут с абитуриентов комиссию за помощь в поступлении и за то, что могут выторговать скидку у директора колледжа. А колледжи платят им за количество привлеченных абитуриентов.

Студенты. Студенты платят за образование и рассчитывают получить диплом, но не хотят посещать занятия. Они часто называют себя «непосещающими студентами». А вузы, можно сказать, стремятся учесть их пожелания. Студенты не хотят ходить на занятия по разным причинам. Колледж может быть расположен далеко от дома, или они работают, поэтому у них не хватает времени. Они могут или появляться только на экзаменах, или просто выполнять минимальные требования. А преподаватели могут, например, рассылать материалы и задания по электронной почте. Иногда, если есть возможность, студенты приезжают в колледж по своему собственному усмотрению. Они пишут конспекты, показывают преподавателям, что сумели сделать, берут домашнее задание, пытаются понять предметы. А потом преподаватели ставят им такие оценки, которые позволяют сдавать университетские вступительные экзамены. Таким образом, практически 100% студентов колледжей успешно оканчивают обучение.

Руководители вузов. Руководители вузов нередко манипулируют системой ради увеличения собственной финансовой выгоды. Одна из стратегий состоит в том, что и преподаватели, и директор колледжа существуют на бумаге, чтобы вуз соответствовал законодательным требованиям. То есть по документам может выглядеть так, что преподаватели работают на полную ставку, но на самом деле это не так: они получают заработную плату, но существенную ее часть возвращают обратно руководству. Таким образом, по бухгалтерии вуз полностью укомплектован преподавателями, которые получают деньги практически ни за что.

Кроме того, преподаватели и/или руководители колледжей могут быть вовлечены в весьма доходный для колледжей и отдельных людей процесс поступления в университеты. Благодаря «джаан-пехчаан» (связям) руководители вузов получают дополнительные возможности для удовлетворения своих коммерческих интересов. Директор колледжа может сам становиться привлекающим абитуриентов посредником и брать с них деньги за договоренности о скидках на обучение, о снижении требований во время поступления и за возможность не ходить на занятия.

Инспекционные комиссии. Руководители колледжей стремятся сделать так, чтобы их учебные заведения формально соответствовали многочисленным правилам об организации повседневной деятельности.

Когда в колледж приезжает инспектирующая государственная комиссия, ей буквально расстилают красную ковровую дорожку. Члены комиссий получают установленный государством гонорар («шраддха»). Но если они приезжают в слабый (или вообще не существующий в реальности) вуз, они могут потребовать с его руководства в десять раз больше официальной «шраддхи».

Несуществующие колледжи — это такие организации, у которых либо вообще нет физического здания, либо здание есть, но оно пустует. Иногда членов инспекционной комиссии вообще ведут в другое здание, чтобы они не видели этой пустоты. Такие колледжи продолжают существовать благодаря большому количеству денег. Сначала они платят государству большие деньги, чтобы получить лицензию, а затем регулярно дают взятки членам инспекционных комиссий за то, чтобы те написали положительный отчет.

Заключение

Проблема Индии, а также других стран, где распространена системная коррупция, заключается в том, что действия индивидуальных людей отражают нравственный облик общества. Если один студент списывал на экзамене, а вуз осуждает списывание, то понятно, что нужно сделать для «перевоспитания». Но в условиях, когда «все так поступают», проводить реформы нелегко. Когда черный нал оказывается нормой, а не исключением, ни у кого нет стимула меняться. Расхожестъ термина «непосещающие студенты» подрывает доверие к системе, в которой, по сути, можно просто купить диплом. То, что люди могут получать деньги вообще ни за что, или за то, что ставят хорошие оценки, или за то, что пишут положительный отчет, говорит о том, что коррупция везде.

Первым шагом на пути к системной реформе должно стать признание проблемы. В Индии существует традиция первоклассного высшего образования. Первый в мире университетский комплекс — Наланда — тоже появился в Индии еще в V веке. В Индии были рождены восемь нобелевских лауреатов и существует насчитывающая несколько тысячелетий литературная традиция. Легендарная история Индии должна стать прототипом системы высшего образования, направленной на развитие науки и укрепление кадрового потенциала страны. Это поможет победить коррупцию, которая отрицательно влияет на образовательную систему в целом, качество образования и доверие общества. А пока можно говорить только о размывании этических основ индийской образовательной системы и подрыве основы взаимодоверия и образовательных стандартов.

Сколько автономии у международных филиалов?

Меган Клиффорд, Кевин Кинзер

Меган Клиффорд — независимый консультант, работает в г. Оклахома-Сити, штат Оклахома, США. E-mail: megan.e.clifford@gmail.com.

Кевин Кинзер — профессор, заведующий исследовательским центром образовательной политики и управления образованием Университета штата Пенсильвания, соруководитель Группы по изучению международного высшего образования C-BERT Университета штата Нью-Йорк в Олбани, США. E-mail: kpk9@psu.edu.

В нашем бюллетене регулярно публикуются материалы, подготовленные исследователями Группы по изучению международного высшего образования C-BERT. Подробности см. на <http://www.cbert.org>.

В последние два десятилетия правительства ряда развивающихся стран, включая Катар, ОАЭ и Китай, стали вкладывать государственные средства в открытие и поддержку международных филиалов вузов (МФВ). Они спонсируют МФВ не ради содействия интернационализации иностранных университетов или улучшения их позиций в международных рейтингах. Они говорят о том, что вкладывают в МФВ бюджетные средства, потому что они способствуют развитию человеческого капитала и экономики страны. В частности, благодаря появлению МФВ в этих странах растет количество людей с высшим образованием, улучшается ситуация на местном рынке труда, сокращается утечка мозгов. То есть все дело в том, что международные филиалы вузов выгодны для принимающей стороны. А их собственные цели вторичны.

Поскольку предполагается, что МФВ должны служить задачам принимающей страны, к ним нередко предъявляются особые требования. В Малайзии, например, МФВ обязаны открывать образовательные программы определенного профиля и сотрудничать с местными организациями. Кроме того, правительство ограничило их возможности по использованию прибыли. Головной университет может вести переговоры по условиям открытия МФВ, однако финансовые, академические и управленческие вопросы решаются в соответствии с нормами принимающей страны или по крайней мере не без их влияния. Другими словами, открывающий международный филиал университет не обладает в принимающей стране такой же автономией в принятии ключевых решений, как у себя дома.

Ограничения начинаются с законодательства, регулирующего создание МФВ. Требование сотрудничать с местными партнерами «впутывают» в процесс еще одного игрока со своими интересами. Финансовая автономия оказывается ограничена, а в академических вопросах, несмотря на все заверения в автономии, необходимо принимать во внимание интересы принимающей страны.

Поскольку предполагается, что МФВ должны служить задачам принимающей страны, к ним нередко предъявляются особые требования.

Оценка возможностей

Процесс оценки возможностей по открытию МФВ всегда устроен для вузов таким образом, что их свобода принятия решений ограничена с самого начала. Страны, заинтересованные в появлении МФВ, обычно предлагают иностранным университетам, которые готовы работать на предлагаемых страной условиях, определенные ресурсы, например землю, помещения, покрытие эксплуатационных расходов. В Южной Корее, например, был построен кампус на 20 000 студентов, в котором будут расположены сразу несколько МФВ. Предполагалось, что иностранные университеты примут все выдвинутые корейцами условия, включая тот факт, что комплекс расположен в двух часах езды от Сеула. И хотя университеты вступают в переговоры и могут вообще передумать, если их интересы не принимаются во внимание, первоначальные условия, выдвинутые принимающей страной, в любом случае будут ограничивать автономию МФВ.

Партнерства

Более того, если университет решает воспользоваться возможностью и открыть МФВ, это ему вряд ли удастся, если он не будет сотрудничать с местным академическим сообществом, властями и частными организациями. А в некоторых странах, например в Китае, подобные партнерства вообще обязательны. Местные партнеры помогают головному вузу сориентироваться в новых академическом, законодательном, экономическом и культурном пространствах. Но еще они следят за соблюдением интересов своей страны. Соответственно, успех МФВ зачастую зависит от готовности местных партнеров соблюдать договоренности и оказывать постоянную поддержку. А это значит, что институциональная автономия МФВ ограничена необходимостью полагаться на местных партнеров.

Финансовая автономия

Ограничения в финансовых вопросах только подтверждают, что МФВ не могут быть полностью автономны. В некоторых странах законодательно определена максимальная стоимость обучения в МФВ или введены ограничения на использование/вывод за границу заработанных вузами средств. Это ключевые вопросы финансовой автономии, они важны с точки зрения обеспечения качества образования и институциональной стабильности.

Тот факт, что правительство принимающей стороны и местные партнеры оказывают МФВ финансовую поддержку, прямо и опосредованно влияет на автономию вузов. Прямо — если в условиях финансирования сразу прописано, что ожидается от МФВ в обмен на деньги. Косвенно — если получение финансирования делает МФВ беспечными, что, конечно, влияет на принимаемые ими решения. В Катаре, например, МФВ получают такую щедрую поддержку от местного правительства, что они даже не беспокоятся о том, как обезопасить себя от возможных финансовых потерь. Это лишает МФВ стимулов самостоятельно мыслить и работать над повышением качества и устойчивости.

Академическая автономия

Пожалуй, наибольшие опасения вызывает вопрос, насколько МФВ свободны в принятии решений в академической сфере. Особенно он актуален в странах, которые сами уговаривают иностранные вузы начать работать только по определенным специальностям. К примеру, Катарский фонд образования, науки и общественного развития сам обратился к представителям Джорджтаунского университета, Техасского университета А&М и Университета штата Вирджиния с тем, чтобы они начали обучение в Катаре для будущих дипломатов, инженеров и искусствоведов. Иными словами, выбор образовательных программ в этом случае принадлежал не вузам, а катарскому правительству.

В других странах правительство может ограничить возможность открытия новых образовательных программ или самостоятельность МФВ в процессе отбора абитуриентов. В Китае каждый международный филиал считается подразделением уже существующего университета, который и определяет, какие программы МФВ будет открывать и какие студенты будут там учиться. Работая в таких условиях, МФВ не могут самостоятельно разрабатывать учебную программу и никогда не смогут стать полноценными университетами. Это ограничивает их возможности для роста и делает уязвимыми в случае перемен на академическом рынке или на рынке труда.

Заключение

Перечисленные в данной статье ограничения попирают принципы автономии, привычные для университетов мирового класса. Международным филиалам будет труднее привлекать и удерживать первоклассных

преподавателей и администраторов, если они будут восприниматься как второсортные учебные заведения, а значит, им трудно будет поддерживать принятый в головных университетах уровень качества.

Ограничение автономии МФВ также может отрицательно повлиять на достижение целей принимающей страны. С одной стороны, государства, которые хотят, чтобы у них открывались МФВ, уделяют особое внимание качеству высшего образования, с другой — они преследуют свои цели. Но потенциальные партнеры могут отказаться от сотрудничества из-за недостаточного уровня автономии.

Особенно важно то, что снижение уровня автономии ставит под угрозу качество и стабильность деятельности МФВ. Если вуз ограничен в принятии академических или управленческих решений в соответствии с потребностями своих студентов или условиями местной экономики, он более предрасположен к неудачам.

Принимая во внимание описанное выше, руководителям МФВ стоит подумать над разработкой нового подхода, основанного на общих целях и более гибких возможностях их достижения. Иначе МФВ станут обычными учебными заведениями, зависящими от правительств принимающих стран, а не самостоятельными строящими свою работу полноценными вузами.

Стремление Сингапура к превращению в «глобальный образовательный центр»

Джейсон Тан

Джейсон Тан — профессор Национального института образования (Сингапур), занимается исследованиями политики и роли личности в политике. E-mail: engthye.tan@nie.edu.sg.

Эта статья выходила также в бюллетене Higher Education in Southeast Asia and Beyond.

В докладе сингапурского Министерства торговли и промышленности, опубликованном в 2002 году, представлено видение будущего страны как «глобального образовательного центра». Теме индустрии образовательных услуг в докладе посвящен отдельный раздел. По мнению министерства, Сингапур имеет все шансы заполучить значимый кусок мирового рынка образовательных услуг, оцениваемый в 2,2 триллиона долларов США. Была намечена цель — привлечь в страну

к 2015 году 150 000 полностью оплачивающих обучение иностранных студентов, хотя первоначальные оценки составляли всего 50 000 человек.

В документе приведены экономические аргументы в пользу поставленной цели. Во-первых, увеличение расходов вузов и расходов иностранных студентов в стране способствовало бы экономическому росту и созданию высокооплачиваемых рабочих мест. Во-вторых, приезд иностранцев помогал бы наращиванию человеческого капитала, необходимого в таких интеллектуальных сферах деятельности, как наука, разработка патентов и запуск новых производств. В-третьих, увеличение количества вузов в стране и расширение спектра доступных образовательных программ помогло бы удержать сингапурских студентов на родине. Наконец, иностранные студенты могли бы стать частью сингапурского кадрового резерва и создать сеть выпускников, которая бы простиралась по всему миру.

Авторы доклада рекомендуют взять за основу сингапурского «глобального образовательного центра» трехуровневую систему университетов. Вершиной системы станут так называемые университеты мирового класса. Их основная задача — работа с аспирантами, и именно они станут «узкопрофильными центрами превосходства», вносящими основной вклад в развитие научно-исследовательской деятельности. Ко второму уровню относятся три уже существующих государственных университета: Национальный университет Сингапура, Наньянгский технологический университет и Сингапурский университет управления, которые составляют фундамент системы высшего образования страны и могли бы выполнять научные проекты и проекты развития, необходимые для национальной экономики, привлекать студентов из других стран региона путем предоставления стипендии и претворять в жизнь идею об образовании как общественном благе. А внизу пирамиды будут «вспомогательные частные университеты», которые могут сосредоточить усилия на исполнении образовательной функции и заниматься прикладными исследованиями. Именно они и должны будут принять дополнительные 100 000 иностранных студентов, ожидаемых в рамках концепции развития глобального образовательного центра.

Социальный контекст

Концепция создания глобального образовательного центра стала завершающей в серии политических инициатив, основанных на представлении о том, что образование играет ключевую роль в повышении конкурентоспособности национальной экономики. Эта концепция также указывает на маркетизацию образовательной сферы и на то, что образование превращается в товар. Когда в 1996 году премьер-министр объявил о желании правительства превратить Сингапур в «Бостон Востока», моделями для развития Национального университета Сингапура и Наньянгского технологического университета стали Гарвард и Массачусетский технологический институт.

Авторы доклада рекомендуют взять за основу сингапурского «глобального образовательного центра» трехуровневую систему университетов.

Позднее, в 1998 году, созданный при правительстве Совет по экономическому развитию (EDB) заявил о намерении привлечь в страну в течение последующих десяти лет десять так называемых университетов мирового класса. В рамках этой инициативы в Сингапур пришли Университет Джонса Хопкинса, Чикагский университет и французская бизнес-школа INSEAD. Таким образом, проект по созданию глобального образовательного центра хорошо вписался в многолетнюю политику по привлечению иностранных студентов.

Препятствия

Трудности на пути реализации этого проекта появились уже в самом начале. Во-первых, было известно о нескольких довольно неприятных резонансных случаях, когда иностранные университеты либо сами закрывали свои образовательные программы в Сингапуре, либо сворачивали свою деятельность по требованию властей.

К примеру, в июле 2006 года государственное Агентство по науке, технологиям и исследованиям объявило о намерении закрыть Центр медико-биологических исследований Университета Джонса Хопкинса в связи с тем, что ему не удалось привлечь заявленное количество аспирантов. К тому же центр сумел добиться только 8 из 13 поставленных перед ним целей, несмотря на то что начиная с 1998 года получил от EDB в общей сложности более 50 млн долларов США. Или другой случай: в феврале 2007 года был открыт азиатский филиал Университета Нового Южного Уэльса, а всего четыре месяца спустя из Сиднея пришло решение о закрытии филиала в связи с нехваткой студентов и сомнениями в его экономической целесообразности.

В последние годы проект также пострадал из-за закрытия еще трех вузов. В 2012 году азиатский филиал Школы искусств Тиша решил закрыть магистерские программы по кинорежиссуре, мультипликации, медиапроизводству и сценарному мастерству. Вуз испытывал финансовый дефицит на протяжении всех пяти лет своего существования, несмотря на получение от EDB субсидий в объеме порядка 17 млн долларов США и дополнительных средств от Нью-Йоркского университета.

В 2013 году руководство Бизнес-школы Бута при Чикагском университете объявило о переносе своей

программы MBA из Сингапура в Гонконг, чтобы быть ближе к экономически процветающему Китаю. В том же году Университет штата Невада в Лас-Вегасе решил закрыть свою бакалаврскую программу по управлению гостиничным и ресторанным бизнесом в связи с ее нерентабельностью. Затем случился конфликт, связанный с совместным колледжем Йельского университета и Национального университета Сингапура. Партнерский проект двух вузов был запущен в 2011 году, но подвергался постоянной критике со стороны сотрудников Йельского университета и правозащитников, полагающих, что невозможно обучать гуманитарным наукам и принципам свободного исследования в авторитарном государстве, где свобода слова и свобода собраний существенно ограничены.

Другая проблема, с которой столкнулся проект по созданию глобального образовательного центра, — проблема обеспечения качества. Уже в первые два десятилетия нынешнего века стало известно о нескольких случаях мошенничества в коммерческих частных вузах, которые просто неожиданно закрывались, не оставляя студентам возможностей для возмещения финансового и образовательного ущерба. Для того чтобы принять закон о частном высшем образовании, который регулирует деятельность всех частных образовательных учреждений, выдающих какие-либо дипломы, свидетельства или сертификаты, парламенту потребовалось семь лет.

Третьей проблемой стала возникшая недавно в обществе напряженная дискуссия о рациональности либеральной иммиграционной политики. В последние годы правящая партия поддалась общественному давлению и ужесточила иммиграционные правила. Новый курс иммиграционной политики, безусловно, будет иметь последствия для сингапурского проекта развития международного образовательного узла.

Сейчас, через 14 лет после публикации концепции глобального образовательного центра, цель по привлечению 150 000 международных студентов по-прежнему представляется труднодостижимой. По данным СМИ на 2014 год, численность иностранных студентов в стране сократилась с 97 000 в 2008 году до 84 000 в 2012-м, а затем до 75 000 в 2014-м. В том же году были опубликованы результаты проведенного банком HSBC опроса, согласно которым иностранные студенты озабочены проблемой безработицы и ростом стоимости жизни в Сингапуре. Два годами ранее министр торговли и предпринимательства, выступая в парламенте, заявил, что инициатива по созданию глобального образовательного центра нацелена в первую очередь на повышение качества образования и его соответствие экономическим потребностям страны, нежели на привлечение определенного количества студентов или достижение определенных показателей ВВП. Тем самым он косвенно подтвердил, что поставленная цель — привлечь в страну 150 000 иностранных студентов, которые бы полностью оплачивали свое обучение, — пока недостижима.

Чем может выделиться международный филиал вуза

Рейчел Мерола

Рейчел Мерола — старший научный сотрудник Наблюдательного центра «Высшее образование без границ». E-mail: rachael.merola@obhe.org.

Первоначально статья была опубликована на сайте ОБНЕ: www.obhe.ac.uk.

Транснациональное образование крайне странная штука. Оно принимает разнообразные формы, которые ускользают от описания, и постоянно меняется, так что все попытки дать ему четкое определение практически обречены на провал. Международные филиалы вузов (МФВ), к примеру, существуют уже 150 лет и постоянно видоизменяются с точки зрения размеров, масштабов деятельности, структуры управления. Но при всем разнообразии мирового ландшафта транснационального образования МФВ занимают особое место. Что именно делает их особенными?

Что можно (и что нельзя) считать МФВ?

Центр «Высшее образование без границ» (ОБНЕ) и Группа по изучению международного высшего образования C-BERT Университета штата Нью-Йорк в Олбани, определяют международный филиал вуза как «организацию, которая хотя бы частично принадлежит иностранному учебному заведению, работает от его имени и предоставляет возможность, не выезжая из своей страны, окончить программу, по результатам которой выдается диплом иностранного учебного заведения».

В настоящее время в мире насчитывается около 250 вузов, отвечающих этому определению, а также существует множество других учебных заведений, которые соответствуют некоторым, но не всем из перечисленных критериев, необходимых для того, чтобы быть отнесенным к МФВ. Сравнение таких вузов позволяет выявить наличие у них ряда общих характеристик, благодаря чему учебные заведения, которые пока не стали МФВ, можно разделить на несколько типов.

К примеру, кампус, в котором открыты образовательные программы, только частично реализуемые именно в нем, но в основном в другом месте, не считается МФВ. Примерно так можно описать многочисленные образовательные центры, используемые для получения опыта обучения за рубежом бакалаврами или студентами программ EMBA/MBA, если в них есть международная компонента. Так как в описанных случаях большая доля учебного времени проводится в другом месте, такие образовательные центры не считаются МФВ.

В качестве другого примера кампуса, не являющегося МФВ, может служить вуз, который не требует физического присутствия студентов на месте. Таким образом, из понятия исключаются многочисленные дистанционные программы, предлагаемые многими университетами как в бакалавриате, так и в магистратуре. Эти кампусы используются в качестве зарубежных представительств, нацеленных на привлечение и отбор абитуриентов, проведение тестирований и на реализацию каких-то еще внеучебных целей, то есть традиционные очные занятия там проходят редко или не проходят вообще.

В настоящее время в мире насчитывается около 250 вузов, отвечающих этому определению, а также существует множество других учебных заведений, которые соответствуют некоторым, но не всем из перечисленных критериев, необходимых для того, чтобы быть отнесенным к МФВ.

Третья по распространенности модель транснационального образования предполагает подход, при котором студентам предлагается получить диплом известного зарубежного университета, обучаясь на программе, реализуемой в его родной стране, но в сотрудничестве с этим университетом. Эта модель успешно реализуется в формате двойных программ, например, в Индии. Другим примером может служить колледж Йель – НУС в Сингапуре, созданный в результате сотрудничества между Йельским университетом и Национальным университетом Сингапура. Подобные колледжи не считаются МФВ, потому что подчиняются иностранным партнерам.

Характеристики МФВ

По подсчетам ОБНЕ, за последние пять лет в мире открылось более 60 новых МФВ. Их анализ позволяет выявить ряд характерных черт. Во-первых, многие МФВ начинают с малого числа программ, придерживаются стратегии продуманного расширения

и осмотрительны в отклике на требования рынка. По нашим данным, 21 из появившихся в последние пять лет МФВ предлагает более пяти образовательных программ, и лишь девять — более десяти программ. Расширение этих нишевых вузов зависит от их успешности и выбранной головным университетом стратегии.

Еще одним интересным моментом является то, что МФВ функционируют с самыми разными моделями собственности и управления. В одних странах, в большинстве из которых действует множество МФВ, таких как ОАЭ, Сингапур, Катар, Малайзия, распространена иерархическая модель управления, при которой вузы нередко контролируются правительством, а в странах, являющихся основными поставщиками образовательных услуг, — США, Канаде, Австралии, Великобритании — сложилась автономная модель управления МФВ. Эти межкультурные особенности требуют внимания и должны учитываться при выборе модели управления МФВ.

Некоторые университеты рассматривают МФВ как способ обучать иностранцев у них же дома, но согласно собственной образовательной модели, а не образовательной модели страны, где открыт МФВ. Деятельность уже существующих МФВ и планы по открытию новых филиалов в странах, где академическая свобода ограничена, встречает сопротивление со стороны преподавателей и других стейкхолдеров. Так было в случае с Нью-Йоркским университетом в Абу-Даби, Университетом Дьюка в китайском Куньшане и Университетом Ноттингема в Малайзии. В итоге, несмотря на сопротивление, все три вуза продолжили свою деятельность, но руководителям головных университетов пришлось долго объяснять, как в их стратегические планы развития университетов вписывается открытие этих филиалов.

Хотя некоторые МФВ полностью принадлежат своим головным университетам, в большинстве случаев они получают поддержку (финансовую, логистическую, инфраструктурную) со стороны правительства принимающей страны. В некоторых странах распространена модель, предполагающая партнерские отношения с местными властями в обмен на хотя бы временное субсидирование затрат по содержанию МФВ. При этом правительства оставляют за собой право в любой момент прекратить поддержку. По такой модели построен, например, Глобальный университет в Инчхоне; пока этому корейскому проекту удалось привлечь всего четыре иностранных университета, которые готовы открыть там свои филиалы. Строительство и расходы на содержание Нью-Йоркского университета в Абу-Даби полностью оплачены правительством Абу-Даби. Аналогично власти Куньшаня дали землю и оплатили строительство в своем городе филиала Университета Дьюка.

Важно и то, что международные филиалы вузов благодаря своему названию четко отождествляются с головным университетом. В транснациональном

образовании распространена франчайзинговая модель, в результате которой создаются совершенно новые вузы (например, Университет Торренса в Австралии, которым управляет американская коммерческая образовательная организация Laureate). Однако почти все МФВ отсылают в своем названии к головному вузу. К примеру, все филиалы французской Высшей школы искусств и технологий моды, известной как ESMOD, содержат эту аббревиатуру в своем названии. Точно так же связь Медицинского колледжа Пинанга в Малайзии с ирландским Королевским хирургическим колледжем отражена в его логотипе.

Заключение

Сужая определение того, что является или, наоборот, не является международным филиалом вуза, мы составляем более полное представление о транснациональном образовании. Мы видим целый спектр международных учебных заведений разного масштаба, с разными моделями собственности, занимающихся разными видами международной деятельности и предлагающих разные программы, которые при этом так или иначе подпадают под определение МФВ. Более подробный анализ деятельности МФВ будет доступен в ноябре 2016 года, когда будет опубликован совместный доклад OВNE и C-BERT.

Транснациональное образование в китайских средних школах

Фион Лим

Фион Лим — координатор по качеству образования Университетского колледжа Виктории, Австралия. E-mail: fion.lim@vu.edu.au.

В последние десять лет тема транснационального образования привлекает в Китае много внимания. Однако традиционно исследования в этой области посвящены в основном бакалаврским программам с особым акцентом на программы двойных дипломов. А развивающимся транснациональным программам в средней школе уделяется значительно меньше внимания.

В Китае первые три класса средней школы являются обязательными. А вторая часть, еще три класса (старшая средняя школа), уже необязательны. В конце трех лет обучения выпускники сдают известный своей непопулярностью национальный вступительный экзамен гаокао. Хорошо известно, что школьники и их родители очень переживают за результаты гаокао.

Но в последние годы, благодаря повышению уровня благосостояния среднего класса и либерализации школьной образовательной политики, у них появляется альтернатива за счет набирающей популярность сотрудничества с зарубежными организациями и развивающегося трансграничного школьного обучения. Отношения между китайскими и иностранными школами выходят на новый уровень, многие государственные и частные школы Китая переделывают учебную программу под иностранный стандарт, как правило западный, что практически гарантирует выпускникам поступление в иностранные вузы. К настоящему моменту тема транснационального среднего образования мало изучена и редко обсуждается. Учитывая, что подобное образование становится все более популярным, следует ожидать, что китайское правительство изменит систему его регулирования.

Отношения между китайскими и иностранными школами выходят на новый уровень, многие государственные и частные школы Китая переделывают учебную программу под иностранный стандарт, как правило западный, что практически гарантирует выпускникам поступление в иностранные вузы.

Рост числа иностранных образовательных программ в средней школе

В принципе, иностранные учебные программы в средних школах Китая не новость. Получить аттестат по программе «Международный бакалавриат» (IB) в Китае можно с 1991 года. Хотя во время бума 1990-х страна открыла свои рынки для международной торговли и международного образования, государственный контроль средней школы оставался довольно жестким, и проникнуть в эту среду иностранцам было сложно. В последние годы наблюдается новая тенденция в отношениях между китай-

скими и иностранными школами. Многие китайские школы в партнерстве с зарубежными предлагают программы подготовки к университетам. Так, на рынок попали программы британских школ на сдачу сертификатов GCE уровня «О» и «А» по Международным кембриджским экзаменам (CIE), а также по программам школ австралийского штата Виктория (VCE) и других.

Многие выпускники этих программ говорят о том, что они довольно просто поступают на иностранные образовательные программы в Китае или за его пределами, именно на это такие школьные программы и рассчитаны. С 2000 года в Китае действует более 100 средних школ, сотрудничающих с Фондом IB и предлагающих школьникам соответствующее обучение. 72% выпускников этих программ, получивших аттестат в период с 2002 по 2012 год, смогли поступить в вузы, входящие в список 500 лучших в мире. На сайте Международных кембриджских экзаменов перечислено как минимум 50 китайских школ, выпускники которых могут поступать в университеты Великобритании или любые другие университеты мира, принимающие результаты GCE. Большое количество китайских студентов поступают в университеты австралийского штата Виктория, окончив Международную школу Хейлибери в Китае. Хейлибери — это частная школа, расположенная в Мельбурне, которая одной из первых открыла свое представительство в Китае и предлагает обучение, завершающееся сдачей экзаменов по программе штата Виктория (VCE). Многие ее выпускники поступают в ведущие университеты Австралии.

Распространение транснационального школьного образования в Китае вызвано многими причинами. Наиболее значимая заключается в том, что получить разрешение Министерства образования на открытие иностранной учебной программы школьного уровня довольно легко, особенно по сравнению с открытием в Китае иностранной программы бакалавриата или магистратуры. В среднем образовании нет никаких квот, а в функционал управления по контролю за ценами среднее образование вообще не входит. Более того, чтобы открыть иностранную программу в средней школе, не нужно, как правило, ничего, кроме разрешения от городских властей или властей провинции. Кроме того, распространению таких программ способствует налаживание в Китае международных торговых связей.

Управление развитием и качеством: школы, будьте осторожны!

Можно уверенно говорить о том, что транснациональное школьное образование в Китае процветает, т.к. развивается в рыночной среде, где спрос, предложение и ценообразование определяются в ходе конкурентной борьбы. Но как долго и с какой скоростью школы смогут продолжать развиваться таким образом?

Большая часть международных школ Китая расположена в крупных городах центрального подчинения, что вполне понятно, ведь именно там сосредоточен средний класс. Однако, вероятно, сдерживающим фактором развития этих программ станет стоимость обучения, особенно на программах подготовки к университетам, стоимость которых в сравнении со стоимостью обучения в обычных школах довольно высока. К примеру, обучение на программе IB в Шанхае может стоить до 280 000 юаней (около 43 000 долларов США) в год. Для многих семей это по-прежнему слишком дорого.

Другой сдерживающий фактор — нежелание родителей оказаться в ситуации, когда их дети просто потеряют право сдавать экзамен гаокао. Многие состоятельные семьи предпочитают, чтобы их дети учились по иностранным программам, т.к. они менее сложные и позволяют школьникам в будущем с легкостью поступать в зарубежные вузы. Однако большинство китайских семей выбирают менее рискованный подход и нагружают детей дважды, заставляя их учиться одновременно и по китайской, и по иностранной программе.

Перспективы транснационального образования в китайских средних школах

Как показывает история, в образовательной сфере стремительный рост без должного контроля — верный путь к беде. Сингапур, Малайзия, Гонконг, Китай — все эти страны в разное время делали процедуру запуска и оценки деятельности частных вузов и транснациональных образовательных программ более строгой. Рассуждения о том, будто бы в вузах вырабатываются надежные внутренние механизмы обеспечения качества, оказались неубедительны для представителей надзорных органов и по факту неверны, т.к. в вышеперечисленных странах возникали скандалы вокруг образовательных программ сомнительного качества. Таким образом, логично предположить, что уже в скором времени распространение иностранных школьных программ заставит китайское правительство ввести более жесткую систему контроля за этой сферой. В связи с этим интересен вопрос о том, как ужесточение регулирования повлияет на транснациональное образование в Китае? Может быть, транснациональные программы начнут захватывать и другие, более низкие уровни образования — сначала младшую школу, а затем и учреждения дошкольной подготовки?

.....

Международные консультационные советы: новый аспект интернационализации

Филип Дж. Альтбах, Георгиана Михут, Джамил Салми

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Георгиана Михут — стажер-исследователь Центра по изучению международного высшего образования. E-mail: georgiana.g.mihut@gmail.com.

Джамил Салми — международный эксперт в области высшего образования. E-mail: jsalmi@tertiaryeducation.org.

Эта статья основана на докладе Altbach, P. G., Mihut, G., Salmi, J. (2016): Sage Advice: International Advisory Councils at Tertiary Education Institutions, который доступен по адресу: http://www.bc.edu/content/dam/files/research_sites/cihe/pubs/CIHE%20Perspective/CIHE_Perspectives_No1.pdf.

Международные консультационные советы (МКС) — самое новомодное «приобретение» университетов мирового класса и вузов, которые стремятся обрести такой статус. Международный консультационный совет Гейдельбергского университета (Германия) возглавляет бывший ректор Оксфорда, а председатель аналогичного совета в Высшей школе экономики (Москва) — знаменитый американский экономист, обладатель Нобелевской премии. В нескольких виднейших вузах Саудовской Аравии в международные советы входят ведущие ученые и капитаны промышленности. На институциональном уровне старт национальных инициатив академического превосходства в разных странах — Германии, Испании, Китае, России, Франции, Южной Кореи, не говоря уже о многих других, — нередко бывает связан с созданием в вузах подобных советов. В некоторых странах вузы, получающие дополнительное финансирование, обязаны создавать такие советы. Под МКС мы понимаем консультативные органы, участники которых — преимущественно или исключительно иностранные эксперты, внешние для вуза люди, которые помогают его высшему руководству.

Глобализация сформировала такие условия, что привлечение международных экспертов и развитие международных связей стало неотъемлемой частью вузов, которые хотят стать университетами мирового класса.

Международные консультационные советы (МКС) — самое новомодное «приобретение» университетов мирового класса и вузов, которые стремятся обрести такой статус.

Считается, что вузы должны стремиться к соблюдению высочайших стандартов исследовательской и — в некоторых случаях — преподавательской деятельности и что привлечение международного опыта и международных экспертных знаний способствует достижению этой цели. МКС рассматриваются как инструмент получения актуальных знаний о наиболее эффективных подходах к созданию передовых исследовательских университетов. Наличие в университете МКС свидетельствует о его космополитичности, о том, что он пользуется советами мировых лидеров в образовании и исследованиях, а также о том, что он сравнивает свою деятельность с лучшими международными практиками. Некоторые руководители вузов полагают, что МКС им нужен хотя бы потому, что при вузах аналогичного уровня есть МКС. Большинство из них хочет использовать в своих целях высокую репутацию членов МКС и надеется, что последние станут своего рода неформальными посланниками их вуза за рубежом.

МКС: что это и как это работает

Недавно мы провели исследование, которое проливает свет на международные консультационные советы. Можно считать, что создание МКС — признак интернационализации системы академического управления, хотя ни один МКС не обладает реальным правом принимать решения. Как показало наше исследование, в МКС обычно входит от шести до четырнадцати членов. Чаще всего среди них встречаются действующие или бывшие руководители вузов высшего уровня (уровня президента, ректора, проректора), исследователи в сфере высшего образования или ученые профильного для вуза направления, люди с политическим опытом, представители промышленности. Подавляющее большинство членов МКС — мужчины, граждане западных стран, люди, в целом аффилированные с престижными вузами. Одинаково часто встречаются советы с постоянным и временным членством. Некоторые члены МКС ранее имели какое-то взаимодействие с вузом, который пригласил их войти в совет.

Те, кого приглашают присоединиться к МКС, соглашаются из желания оказать услугу и помочь. Иногда их привлекает сам вуз или сложившиеся у них с ним связи, страна, где находится вуз, или определенная интересующая их научная специализация. Рассуждая о своем опыте, члены МКС выделяют среди прочего следующие значимые для них темы: новый опыт, академическое взаимодействие, возможность повлиять на образовательную политику, отношения с другими членами МКС и коллегами по университету.

Обычно заседания МКС проходят один-два раза в год, иногда между ними проводятся виртуальные встречи. Заседания длятся, как правило, один-три дня, хотя один из рассмотренных нами МКС заседает целую неделю, в течение которой его члены также читают лекции студентам. Некоторые вузы выплачивают членам МКС гонорар, но большинство, похоже, ограничивается только оплатой командировочных расходов.

В заседаниях МКС обычно участвуют представители высшего руководства вуза. Иногда к участию приглашаются преподаватели или даже студенты. Ректор вуза и председатель МКС обычно ведут заседание вместе. Они обсуждают достижения вуза и вопросы, по поводу которых руководство вуза хочет получить рекомендации МКС.

Что делают МКС

По мнению членов МКС и самих вузов, основная задача МКС — независимое консультирование по вопросам разработки и реализации университетской стратегии развития. Иногда МКС выполняют и другие задачи, например разъясняют университетские инициативы внешним партнерам или даже преподавателям и сотрудникам. Все участники нашего исследования особо выделяли роль МКС для оценки университета в глобальной перспективе и осмысления передового опыта авторитетных руководителей вузов и ученых. Члены МКС не просто советники — это старшие коллеги, которые хорошо знают университет изнутри и разделяют его цели, ценности и планы.

Участники исследования сходятся во мнении, что для эффективной работы МКС должны быть хорошо организованы, у них должна быть четкая повестка, научное сообщество должно относиться к ним серьезно, а вузы должны следовать их советам.

Рекомендации

По результатам нашего исследования мы сформулировали список ключевых вопросов, на которые стоит обратить внимание вузам, заинтересованным в создании эффективного международного консультационного совета.

- Рассматриваете ли вы международный опыт в качестве источника информации для принятия стратегических решений, касающихся будущего вашего вуза?

- Для чего вам нужен МКС? Сформулировали ли вы конкретные цели, которых хотите достичь путем создания МКС и взаимодействия с его членами?
- Насколько состав предполагаемого МКС разнообразен с точки зрения опыта и равноправия (пол, академический профиль, географическое распределение, баланс между практиками и исследователями и т.д.)?
- Есть ли у членов МКС понимание того, что от них ожидается?
- Каковы образовательные и стратегические задачи каждого заседания МКС с точки зрения вашего вуза? Насколько программа встречи ориентирована на достижение именно этих задач?
- Готовы ли вы / можете ли вы объективно рассказывать о проблемах вашего вуза и без предубеждения выслушивать конструктивные советы?
- Существуют ли в вашем вузе механизмы, обеспечивающие систематическую работу по итогам заседаний МКС и регулярный мониторинг результатов?
- Существуют ли у вас четкие правила замены членов МКС и включения в его состав новых участников в соответствии с постоянно меняющимися задачами вашего вуза?
- Как еще члены МКС могут помочь помимо их участия в регулярных заседаниях, если вузу нужен дополнительный совет относительно стратегических решений?
- Умеете ли вы эффективно организовывать заседания МКС, заранее уведомляя об этом членов совета и обеспечивая им логистическую поддержку?

Хотя пока МКС существуют преимущественно в университетах, нацеленных на укрепление своего международного имиджа и получение признания со стороны коллег, ничто не мешает другим типам учреждений высшего и среднего профессионального образования пользоваться помощью международных консультационных советов в их стремлении к достижению высших профессиональных стандартов. Да, в нашем исследовании участвовали только исследовательские университеты, но другие учреждения высшего и среднего профессионального образования тоже могут выиграть, воспользовавшись опытом и знаниями членов МКС.

.....

Интернационализация образовательного процесса в колледжах Израиля

Амит Маранц-Галь

Амит Маранц-Галь — преподаватель академического английского языка в Колледже Сапир, Израиль. E-mail: amitm@mail.sapir.ac.il

Основы будущей системы высшего образования в Израиле были заложены в середине 1920-х годов, в период Британского мандата, и вплоть до основания Государства Израиль в 1948 году на этой территории действовало лишь два высших учебных заведения (Технион в Хайфе и Еврейский университет в Иерусалиме). Остальные университеты появились в середине 1970-х годов. Благодаря произошедшим в 90-е годы значимым изменениям законодательства, в Израиле появилась возможность открывать академические колледжи (общего, технического или профессионального образования), что стало ключевым моментом, обозначившим начало формирования концептуально нового академического ландшафта.

В настоящее время в Израиле насчитывается в общей сложности 63 высших учебных заведения: семь исследовательских университетов, один Открытый университет и 55 колледжей. На начало текущего учебного года в израильских вузах обучается 306 370 студентов (на программах бакалавриата, магистратуры, аспирантуры и профессионального образования). 190 400 студентов бакалавриата (за исключением тех, кто учится в Открытом университете Израиля), то есть 66% от общего числа студентов, — студенты колледжей (данные Израильского совета по высшему образованию). Таким образом, основная роль в предоставлении бакалаврского образования в современном Израиле принадлежит колледжам.

Несмотря на отсутствие в стране единой национальной политики по вопросу интернационализации высшего образования, Израиль стремится соблюдать принципы Болонского процесса, для чего были открыты Национальный офис программы «Эразмус» и Болонский учебный центр при Университете Бен-Гуриона, а также создана национальная экспертная группа по вопросам реформирования высшего образования.

Все больше колледжей позиционируют интернационализацию как элемент стратегии, расширяющий их исследовательские возможности и повышающий качество учебной программы. Многие колледжи начали предпринимать первые практические шаги в этом направлении. Они все чаще участвуют в финансируемых Европейским союзом проектах

по интернационализации, направленных на стимулирование мобильности, укрепление потенциала, повышение качества учебных программ и науки. Колледжи моложе и меньше университетов, поэтому может показаться, что у них меньше возможностей и они не могут выделять на интернационализацию много ресурсов, однако вполне вероятно, что у них есть специфические преимущества. В этой статье мы рассмотрим несколько факторов, которые потенциально могли бы помочь израильским колледжам в процессе интернационализации, в частности в области интернационализации учебных планов.

Несмотря на отсутствие в стране единой национальной политики по вопросу интернационализации высшего образования, Израиль стремится соблюдать принципы Болонского процесса...

Институциональная культура предпринимательства и многообразия

Отклик на происходящие изменения и адаптация к потребностям разноликого студенческого контингента — центральная составляющая израильских колледжей. С самого начала колледжи обозначали свои академические цели как обучение и переподготовка, а научная работа велась в основном в университетах. Однако сегодня преподавателей колледжей, как и преподавателей университетов, оценивают исходя из результатов их исследовательской работы. Поэтому многим колледжам пришлось пересмотреть стратегии, для того чтобы сделать исследования элементом институциональной культуры. Возможно, что ориентация на исследования повысит готовность колледжей к интернационализации.

По сравнению с университетами, колледжи имеют значительно более разнообразный в академическом, социально-демографическом и этническом смысле контингент студентов. Колледжи в целом меньше, моложе и расположены в сельскохозяйственных регионах. А еще они более динамичны и открыты переменам, а их руководство обычно более опытно в вопросах воплощения в жизнь того, что кажется невозможным. Культура предпринимательства является для колледжей одной из ключевых ценностей и разделяется преподавателями, студентами и административными сотрудниками.

Колледжи в Израиле привержены идее о том, что образование должно быть доступно представителям всех социальных групп, а также всем членам местного сообщества. Представители меньшинств — проживающие на периферии арабы и евреи, бедуины, иммигранты из бывших советских республик и Эфиопии, — все, для кого оказывается недоступным элитное университетское образование, могут поступить в колледж. Благодаря этому колледжи обладают обширным опытом работы с проблемами этнокультурного многообразия и умеют динамично подстраиваться под особенности различных сообществ, что отражается и в учебной программе, и в системе управления. Из-за постоянной напряженности, вызванной палестино-израильским конфликтом и связанной с ним задачей полноценного включения израильских арабов в жизнь общества, колледжи уделяют особое внимание этим тонким вопросам. Можно сказать, что израильские колледжи уже давно внедряют у себя принципы внутринациональной интернационализации.

Таким образом, то, что может показаться ограничивающим интернационализацию внутренним фактором, на самом деле может способствовать развитию предприимчивости и более творческого институционального подхода к интернационализации.

Изменения образовательной программы и сила «нейтральности»

Израильское общество представляет собой сложную мозаику различных культур, народов и религий. Многообразие студенческого контингента колледжей отражает эту мозаику, и сотрудникам вузов нередко приходится отступать от стандартной учебной программы, чтобы обсудить болезненные вопросы, помочь студентам преодолеть трудности образовательного процесса и разрешить напряженность, возникающую в аудитории или за ее пределами. Опыт израильских колледжей, участвовавших в европейском проекте TEMPUS, показал, что интернационализация учебной программы может способствовать обновлению, модернизации учебных планов и разрешению существующих конфликтов.

Колледжи воспринимают понятие «интернационализация» как нечто «нейтральное», не связанное с существующими в Израиле конфликтами: между арабами и евреями, между светскими и религиозными, между промышленностью и академическим сектором, между центром и периферией. Представители колледжей утверждают, что, когда они начинают какую-то направленную на интернационализацию деятельность, шанс на то, что преподаватели и студенты ее подхватят, очень велик. Таким образом, развивая международный и межкультурный аспекты учебной программы, колледжи опираются на активное сотрудничество со стороны преподавателей, что является ключевым компонентом успешного результата.

В одном колледже, к примеру, было объявлено, что интернационализация образовательной программы направлена на модернизацию учебных планов, адаптацию к европейской системе ECTS-кредитов и популяризацию английского как языка обучения с целью повышения мобильности преподавателей и студентов, причем это все подавалось как можно более «нейтрально». В итоге эта инициатива получила поддержку преподавателей — бóльшую, чем ожидалось.

Израильские колледжи, запускающие интернационализацию в целом или интернационализацию учебной программы в частности, могут добиться более высоких результатов, если обратят внимание на следующие факторы. Во-первых, нужно максимально использовать сложившуюся в колледжах культуру предпринимательства. Во-вторых, стоит обобщить весь накопленный в колледже опыт по работе с культурным разнообразием. Наконец, необходимо изучить, как в колледжах понимают интернационализацию и как она соответствует потребностям колледжа. В Европе с интернационализацией иногда оказываются связаны какие-то отрицательные ассоциации: возможная потеря вузом национальной идентичности, нежелание использовать в преподавании иностранный язык. Для Израиля, похоже, подобные опасения неактуальны. «Нейтральность» может оказаться для интернационализации мощным стимулирующим фактором. Имеющийся к настоящему времени практический опыт по интернационализации учебной программы в израильских колледжах показывает, что она может стать особенно эффективным способом смягчения напряженности между евреями и арабами.

Работают ли инициативы академического превосходства по созданию университетов мирового класса?

Джамил Салми

Джамил Салми — международный эксперт в области высшего образования. E-mail: jsalmi@tertiaryeducation.org, www.tertiaryeducation.org.

Статья подготовлена по материалам главы автора в книге: Hazelkorn, E. ed. (2016). Global Rankings and the Geopolitics of Higher Education. London: Routledge (2016).

Желая ускорить трансформации, нацеленные на построение университетов мирового класса, правитель-

ства ряда стран — Дании, Германии, Китая, России, Франции, Южной Кореи, Японии — инициировали в своих странах реализацию так называемых инициатив академического превосходства и выделили дополнительные средства на развитие университетов. Многие программы стартовали совсем недавно, не более десяти лет назад, но при этом они уже значительно повлияли на участвующие в них университеты. Поэтому возникает необходимость оценить их эффективность и извлечь уроки из полученного опыта.

Если первые программы академического превосходства, особенно в странах Восточной Азии и Скандинавии, отражали долгосрочную национальную стратегию по усилению вклада высшего образования в экономическое развитие, то появление программ последней волны стало результатом распространения международных рейтингов. Это особенно заметно в случае со стартовавшей в 2012 году французской программой, которая, стремясь повысить узнаваемость ведущих университетов страны, стимулирует их слияния и объединения, а также в случае с начатым в 2013 году российским Проектом 5-100, нацеленным на вхождение к 2020 году пяти вузов в топ-100 лучших мировых университетов. Получается, что большинство инициатив способствует развитию интернационализации как механизма привлечения лучших кадров, тем самым повышая исследовательский потенциал вузов и противодействуя инбридингу.

Проблема оценки эффективности

Измерить эффективность программ академического превосходства и их влияние на университеты сложно как минимум по двум причинам: время и установление причинно-следственных связей. Во-первых, перестройка в университете занимает много времени, как минимум 8-10 лет. А поскольку большинство инициатив появились относительно недавно, измерять их эффективность пока рано. Маловероятно, чтобы научная продуктивность участвующих университетов существенно выросла за непродолжительное время, прошедшее с момента запуска программ. Кроме того, для качественного анализа необходима большая выборка вузов одной или нескольких стран и данные за много лет. Вторая проблема состоит в том, как установить настоящие причинно-следственные связи. Даже если на основе большой выборки удастся выявить определенную статистическую корреляцию, выявление связи между полученными результатами и программами академического превосходства будет требовать дополнительного глубинного анализа.

Поскольку анализ эффективности инициатив последних лет пока не проводился, некоторые выводы можно сделать на основе рассмотрения динамики Шанхайского рейтинга (ARWU) за 2004-2015 годы.

Наибольшего прогресса добились Китай (в топ-500 рейтинга появилось еще 24 китайских университета), Австралия (плюс пять университетов), а также

Саудовская Аравия и Тайвань (по четыре новых университета). Во всех странах было реализовано как минимум по одной инициативе академического превосходства, инвестировавшей в ведущие университеты.

В конце списка находятся главные «неудачники» — Япония и США, которые за этот же период потеряли из топ-500 соответственно 15 и 24 университета. Интересно, что большинство выпавших из рейтинга американских университетов — государственные, что, по-видимому, стало результатом сокращения бюджетных субсидий во время финансового кризиса 2008 года.

Если говорить об отдельных университетах, наибольшего прогресса в рейтинге за прошедшее десятилетие добились Шанхайский университет Цзяотун и Фунданьский университет (Китай), Университет короля Сауда (Саудовская Аравия), Университет Экс-Марселя (Франция) и Технион — Израильский технологический институт. Все они получали дополнительное финансирование в рамках национальных программ академического превосходства.

Какие положительные изменения можно отметить?

Помимо целевой поддержки отдельных университетов, национальные инициативы академического превосходства финансируют существующие или поддерживают создание новых первоклассных исследовательских центров, нередко междисциплинарных, для того чтобы создать необходимую критическую массу исследователей. В недавнем докладе ОЭСР говорится, что одно из ключевых преимуществ этих инициатив состоит в том, что они финансируют фундаментальные исследования с потенциально высокими результатами и рисками, а также способствуют развитию междисциплинарности и укреплению сотрудничества между учеными.

Факт осуществления инициатив часто означает идеологический сдвиг в финансовой политике страны, особенно если речь идет о Европе. В Германии, Испании, России и Франции, например, традиционно было принято считать, что все государственные университеты равны в смысле академического потенциала, а национальные программы академического превос-

ходства привели к смещению в сторону конкурентной модели распределения средств.

Наиболее интересный элемент этих программ, пожалуй, процесс отбора бенефициаров из числа университетов и/или исследовательских центров. В большинстве случаев правительство объявляет для вузов, отвечающих базовым критериям, конкурс, который включает этап экспертной оценки и отбора лучших из поданных заявок. Для этого, как правило, привлекается команда местных и международных экспертов.

Так как конкуренция за финансирование между вузами нарастает, нельзя не уделять внимание важности развития сотрудничества. Как показывают эмпирические данные, наиболее продуктивны те исследователи, которые участвуют в совместных научных проектах — как на национальном, так и на международном уровне. К примеру, канадская программа поддержки передовых исследовательских центров привела к небывалому повышению уровня взаимодействия между вузами и развитию многочисленных совместных проектов.

Еще один положительный результат подобных программ заключается в том, что они дают возможность проявить себя новому поколению академических лидеров. Успех предполагаемых в рамках инициатив академического превосходства университетских трансформаций может быть обеспечен только за счет умения изменять менталитет научного сообщества и настраивать его на поиск академических прорывов.

Риски, связанные с реализацией инициатив академического превосходства

В то же время инициативы академического превосходства могут стимулировать нежелательные типы поведения или нести в себе другие отрицательные последствия. Политики и руководители вузов должны не забывать о рисках: негативных последствиях для образовательного процесса, связанных с излишним акцентированием внимания на научной деятельности; снижении доступности высшего образования для студентов из незащищенных слоев общества из-за повышения избирательности университетов при наборе студентов; снижении институционального разнообразия из-за стремления всех вузов стать «университетами мирового класса». Еще одна проблема, наблюдаемая в нескольких инициативах, состоит в том, что при жестких законодательных ограничениях участвующие в программах университеты стремятся создавать для привлеченных первоклассных международных исследователей альтернативную систему работы, обеспечивающую им благоприятные условия, создают ультрасовременные лаборатории и программы аспирантуры по американскому образцу, однако они при этом действуют в полной изоляции от остальных подразделений университетов, которые могут вообще не ощущать на себе факт участия в национальной инициативе академического превосходства.

Маловероятно, чтобы научная продуктивность участвующих университетов существенно выросла за непродолжительное время, прошедшее с момента запуска программ.

Финансирование университетов мирового класса

Алекс Ашер

Алекс Ашер — президент Ассоциации стратегического планирования в высшем образовании, Торонто, Канада. E-mail: ausher@higherstrategy.com.

Правительствам всегда приходится выбирать между доступностью высшего образования и его качеством: стоить ли распределять имеющиеся ресурсы между несколькими избранными вузами, стремясь превратить их в «университеты мирового класса», или распределить их более широко для наращивания национального потенциала и повышения доступности образования? В трудные времена выбор становится особенно сложным. В США 1970-х годов, например, в условиях дефицита федерального бюджета и замедления экономического роста власти многих штатов вынуждены были сокращать расходы на высшее образование. А вузам приходилось делать выбор между обеспечением доступа к образованию и исследовательскими задачами, и последнее не всегда побеждало.

Во многих отношениях после 2008 года мир оказался в похожей ситуации, потому что замедление экономического роста и бюджетный дефицит заставляют делать выбор между расширением доступности высшего образования и развитием научных исследований (что, естественно, является основой для создания «университетов мирового класса»). Вопрос состоит в том, как на практике разрешается эта дилемма в разных странах.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, я собрал данные о реальных расходах вузов в пересчете на одного студента в десяти странах: Австралии, Великобритании, Германии, Канаде, Нидерландах, США, Франции, Швейцарии, Швеции и Японии. В этих десяти странах расположен 91 из 100 лучших вузов по версии Шанхайского рейтинга (ARWU), и их анализ позволяет составить довольно хорошее представление о том, что происходит в лучших исследовательских университетах мира. Выбор в пользу сравнения расходов, а не доходов был сделан потому, что это позволяет измерять финансовую устойчивость, т.к. уровень доходов непостоянен и может резко меняться (особенно если речь идет о прибыльности эндаументов), что затрудняет анализ долгосрочных тенденций. Я использовал наиболее обобщенное определение расходов для анализа данных, для того чтобы снизить возможный эффект от использования в разных странах различных методов отчетности и классификаций типов расходов.

Объем институциональных данных, доступных в разных странах, различается. Для Австралии, Великобритании, Канады, США, Швейцарии и Швеции можно легко получить довольно упорядоченные ежегодные данные по вузам; для Германии, Нидерландов и Японии это сложнее, а для Франции институциональные данные практически недоступны. Для первой группы стран можно проводить сравнения финансового состояния «ведущих» вузов (входящих в первую сотню Шанхайского рейтинга) и всех остальных; для других анализируемых стран можно сделать лишь обобщенные на национальном уровне выводы.

Анализ собранных данных позволяет сделать ряд важных наблюдений.

1. Начиная с 2008 года объем расходов в системе высшего образования в пересчете на одного студента увеличился лишь в трех странах: Великобритании, Швеции и Японии. В Великобритании за этот период увеличилось количество студентов, но при этом расходы возросли еще больше благодаря массовому притоку средств за счет введенного в 2012 году нового подхода к взиманию платы за обучение. Такая ситуация наблюдается как в ведущих вузах, так и в университетском секторе в целом: и там и там расходы на одного студента выросли в реальном выражении на 8% по сравнению с 2008 годом. В Японии объем финансирования университетов повысился незначительно (чуть больше чем на 3%), однако численность студентов не изменилась. В Швеции доходы и расходы вузов увеличивались понемногу, но стабильно; интересно то, что количество студентов быстро сокращалось из-за политического курса, направленного на поддержание высокого качества высшего образования. Расходы в расчете на одного студента возросли в сравнении с 2008 годом примерно на 15%. Удивительно, но в Германии этот показатель не изменился относительно 2008 года несмотря на заключенный между центральным правительством и правительствами федеральных земель «пакт о высшем образовании». Это отчасти связано с выбором точки отсчета (если бы я выбрал не 2008 год, а 2007-й, мы бы увидели существенное увеличение расходов), а отчасти с успешной реализацией одной из заявленных целей пакта — повышение доступности высшего образования, что привело к расщеплению вливаемых в систему дополнительных средств.

2. Лишь в Канаде, США и Швейцарии ведущие университеты находятся в лучшем положении, нежели остальные университеты страны. Доход американских вузов, входящих в первую сотню Шанхайского рейтинга, в пересчете на одного студента вырос по сравнению с 2008 годом на 10%, в то время как в других вузах страны этот показатель не менялся или, наоборот, снижался. Это связано главным образом с тем, что лучшие университеты, особенно крупные частные вузы, могут позволить себе повысить стоимость обучения и за счет этого увеличить расходы на науку.

Правительства стран, которые хотят создавать у себя университеты мирового класса, должны отказаться от идеи подушевого финансирования.

В Швейцарии расходы росли во всех вузах, но при этом количество студентов в элитных университетах увеличивалось медленнее, чем в остальных. Соответственно, в элитных вузах расходы в расчете на одного студента росли (в общей сложности они увеличились с 2008 года на 10%), а в остальных вузах этот показатель, наоборот, немного сократился. В элитных канадских университетах уровень расходов на одного студента не менялся, тем не менее дела у них шли лучше, чем у остальных университетов, где он снижался.

3. В целом Великобритания, США и Швейцария — единственные страны, где уровень доходов в расчете на одного студента рос даже в разгар экономического кризиса. Эти три страны «оккупировали» первые двадцать строчек Шанхайского рейтинга, и (по крайней мере в теории) их позиции продолжают укрепляться.

4. В ведущих университетах Австралии и Швеции дела шли хуже, чем в остальных вузах. В среднем доходы шведских университетов в расчете на одного студента увеличились на 15%, но лучшие вузы стали привлекать больше абитуриентов, так что уровень расходов в расчете на одного студента там снизился. В университетском секторе Австралии наблюдалось сокращение доходов в пересчете на одного студента, причем лучшие вузы пострадали сильнее (-15%), чем сектор в целом (-10%).

Что все это означает с точки зрения будущего университетов мирового класса? Как ни удивительно, деньги, конечно, важны, но успешность университетов зависит и от других факторов. В краткосрочной перспективе финансовая составляющая, безусловно, не оказывает существенного влияния на результаты Шанхайского рейтинга, иначе позиции австралийских университетов значительно бы ухудшились. Очевидно, что институциональная стратегия развития, кадровая политика и качество руководящих кадров тоже играют важную роль.

Не менее очевидно, что деньги позволяют упростить решение многих проблем в высшем образовании. Если нынешние тенденции сохранятся, то американские частные университеты, скорее всего, сохраняют или даже укрепят свои позиции в международных рейтингах, а лучшим государственным вузам США, Велико-

британии и Швейцарии будет легче, чем всем остальным, справиться с возникающими трудностями.

Во многих странах существует одна и та же проблема: дополнительные деньги можно получить, только принимая больше абитуриентов. То есть, если университет хочет больше тратить на науку, ему сначала нужно зачислить больше студентов, преимущественно бакалавров. Власти могут считать, что предлагают вузам выгодную сделку, но, будем честны, это далеко не всегда так. Большая часть дополнительных денег тратится на обучение тех самых новых студентов, и на развитие науки остается очень мало. Правительства стран, которые хотят создавать у себя университеты мирового класса, должны отказаться от идеи подушевого финансирования. Возможно, им придется позволить вузам самим устанавливать стоимость обучения, увеличить бюджет программ по повышению конкурентоспособности или принять еще какие-то меры.

Альтернативный путь развития университетов мирового класса, не связанный с привлечением дополнительных средств, состоит в повышении эффективности вузов и нахождении каких-то внутренних «резервов», которые можно было бы перенаправить на науку. Очевидно, что, например, ведущие австралийские университеты занимались в последние годы именно этим, и правительствам многих стран стоило бы у них поучиться. Возможно даже, что этот путь более продуктивен для вузов, стремящихся стать университетами мирового класса, нежели ожидание поступления новых бюджетных средств, особенно с учетом прогнозируемого усугубления финансовых проблем.

Как говорил Эрнест Резерфорд, «джентльмены, у нас закончились деньги, пора начинать думать».

.....

Два основных препятствия на пути к повышению конкурентоспособности российских вузов

Филип Дж. Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

В последние годы в рамках Проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов (известного также как Проект 5-100) российское

правительство вкладывало много средств в развитие 15 лучших университетов страны, для того чтобы они смогли конкурировать с лучшими исследовательскими вузами мира и занять ведущие строчки международных рейтингов. По итогам последнего заседания международного совета Проекта 5-100 семь лучших из этих 15 вузов получили по 0,9 млрд рублей (около 15 млн долларов США) на 2016 год, остальные — немного меньше. Большинство вузов — участников программы, начавшейся в 2013 году, добились значительных успехов в сфере реформирования системы управления, оптимизации административных процессов, развития междисциплинарных исследований и в особенности в области повышения качества исследований.

В России давно сложились признанные академические традиции, работает множество талантливых ученых, а государство поддерживает ведущие университеты в их стремлении приблизиться к лучшим мировым вузам, однако, несмотря на это, дорогу к успеху преграждают два фундаментальных структурных препятствия, вызванных традиционной разделенностью академической науки и медицинских исследований, которыми занимаются специализированные академии, и университетов. Существуют и другие проблемы, но именно эти два базовых принципа настолько глубоко укоренены в академической структуре России, что, не изменив их, добиться полноценной международной конкурентоспособности российских университетов будет невозможно.

Ключевые структурные проблемы

Основная и наиболее фундаментальная помеха — это система академий наук, в которой исследованиями исторически занимаются многочисленные, не связанные друг с другом институты, входящие в Российскую академию наук (РАН). Университеты же по традиции занимаются преимущественно образованием, их исследовательский бюджет, как правило, очень скромный: государственное финансирование, выделяемое на университетские исследования, в три раза меньше финансирования, которое получают академии наук. Другая базовая структурная проблема заключается в разделении ответственности за образование и исследования в сфере медицины. В отличие от большинства вузов (а они подчиняются Министерству образования и науки России), медицинские вузы, а также учреждения, которые занимаются медицинскими исследованиями, и система здравоохранения в целом подчиняются Министерству здравоохранения.

Впрочем, возможно, скоро начнутся перемены. Дмитрий Ливанов (до середины 2016 года — министр образования и науки. — *Ред.*) подготовил проект нового федерального закона, в котором подчеркивается роль университетской науки и университетских исследований в сравнении с РАН и который направлен на сокращение чиновничьего аппарата, занятого в сфере управления наукой, что в настоящее время

представляет серьезную проблему для сектора высшего образования. Ливанов начинал реформу по ограничению роли РАН, и она оказалась относительно успешной. Новая инициатива, вне всякого сомнения, будет встречена сопротивлением со стороны носителей давно укоренившихся закостенелых интересов.

Система академий

Хотя основал Российскую академию наук Петр I еще в 1724 году, свой современный вид она приобрела лишь после Октябрьской революции. В настоящее время в эту так называемую систему академических институтов, которая после реформы 2013 года перешла в подчинение Федерального агентства научных организаций РФ, входит около 700 институтов и научно-исследовательских центров, и в ней работает 51 000 научных сотрудников. В советские времена каждый институт специализировался на какой-то конкретной области знания, что не оставляло почти никакой возможности для проведения междисциплинарных исследований. Наиболее способные ученые работали в соответствующих академиях, где они получали довольно высокую заработную плату, а других обязанностей, помимо занятия наукой, у них практически не было. Большинству из них, в отличие от их коллег в других странах или в российских вузах, не приходилось писать заявки и участвовать в конкурсах на получение грантов, потому что они автоматически получали государственное финансирование. Научно-исследовательские институты практически не занимались образовательной деятельностью и почти не сотрудничали с университетами, хотя во многих из них действовали программы аспирантуры. Эта базовая структура сохранилась и по сей день.

После распада Советского Союза и академии, и университеты практически лишились финансирования, в результате чего резко снизились стандарты научной работы. Больше всего пострадали социальные и гуманитарные науки, которые и так не были слишком сильны в советское время и подвергались постоянному влиянию советской идеологии, а в сфере точных наук ситуация оказалась значительно лучше. Многие ученые покинули страну (по некоторым оценкам, в 1990-х годах из России уехало около 70 000 ученых). Многие переметнулись в другие сферы, например в образование или бизнес. Инфраструктура либо ветшала, либо сдавалась в аренду предпринимателям. Но академические институты оставались престижными и обладали юридической самостоятельностью, так что стимулов к переменам у них не было, и, как отмечают многие наблюдатели, это привело к существенному снижению их продуктивности. Некоторые сотрудники академических институтов параллельно работают в вузах, но это не подразумевает институционального сотрудничества. Разделение двух основных частей российской академической системы в значительной мере сохраняется.

Основная и наиболее фундаментальная помеха — это система академий наук, в которой исследованиями исторически занимаются многочисленные, не связанные друг с другом институты, входящие в Российскую академию наук (РАН).

В настоящее время университеты в целом гораздо эффективнее институтов РАН с точки зрения привлечения дополнительного финансирования, распределяемого на конкурсной основе. К примеру, РАН получает финансирование преимущественно напрямую из государственного бюджета, в то время как в вузах наука лишь на 37% поддерживается из государственных источников, а остальные средства поступают за счет бизнеса, различных фондов и т.д.

Образование и исследования в области медицины

Образование и исследования в области медицины в России традиционно подчиняются Министерству здравоохранения. 46 медицинских вузов — это независимые учебные заведения, которые практически никак не связаны ни с другими университетами, ни с РАН (до начавшейся в 2013 году реформы системы академий Российской академия медицинских наук (РАМН) и РАН были двумя независимыми организациями). Исторически в медицинских университетах тоже существовало традиционное разделение образования и науки: основным источником медицинских исследований являлась РАМН. Иными словами, медицинские вузы занимались преимущественно образованием, хотя лучшие из них активно вели и научную деятельность.

В то же время некоторые вузы и академии нарабатывали исследовательский потенциал в смежных со здравоохранением областях, например в таких набирающих популярность науках, как биомедицина, физика и др., и эта тенденция только нарастает. Однако взаимодействия или сотрудничества между медицинскими университетами и другими субъектами системы высшего образования или исследовательской системы в России не наблюдается. Еще с советских времен высшее образование и наука существуют разрозненно, но при этом

в министерствах продолжают действовать небольшие высокоспециализированные институты. Лучше всего советское наследие видно именно на примере медицинской отрасли.

Сложившийся порядок вещей препятствует развитию междисциплинарных исследований медицинской тематики по таким направлениям, как биотехнологии, фармацевтика и пр., что было бы возможно в сотрудничестве с соответствующими факультетами медицинских университетов и академий. Это замедляет процесс развития инноваций в России. Многие из существующих в стране 46 медицинских вузов можно было объединить с другими университетами или хотя бы наладить сотрудничество между ними для стимулирования передовых исследований и развития междисциплинарности. Медицинское образование невозможно без развития исследований в биотехнологиях и других смежных областях.

Заключение

Российская научно-исследовательская система продолжает нести значительные потери. В нынешних условиях университеты практически лишены научного финансирования, междисциплинарные исследования почти не развиваются, а основные элементы системы создания и распространения передовых знаний — образование и наука — по-прежнему разделены. Вызывает озабоченность также то, что из-за отчужденности от университетов стареющая система академий дистанцировалась от молодого поколения ученых. Особо важную роль играет междисциплинарность, от нее зависит будущее НИОКР во многих областях. Академии — в силу их структурных и кадровых особенностей — остаются верны своим направлениям специализации, в то время как ведущие университеты — хотя бы некоторые из них — выказывают большую гибкость.

Тем не менее простое слияние существующих ныне учреждений, обладающих различными традициями и организационной структурой, не приведет к положительным результатам. Нужны новые конструктивные идеи о том, как связать организации различного типа и различные подходы к научно-исследовательской деятельности. Только разрешив эти важнейшие проблемы организационного характера и другие связанные с ними трудности, Россия сможет реализовать свою цель по достижению высоких строчек в международных рейтингах.

Частное высшее образование во Вьетнаме: проблемы управления и образовательной политики

Дао Т. Х. Нгуен

Дао Т. Х. Нгуен — исследователь и технический директор Института исследований в образовании (IREД), Вьетнам. E-mail: nth.dao@IREД.edu.vn.

История современного частного высшего образования во Вьетнаме насчитывает уже почти три десятилетия и характеризуется стремительным увеличением количества вузов: с одного в 1988 году до 22 в 2000-м, а затем до 77 в 2010-м и 83 в 2013 году. Самый быстрый прирост (более чем на 50% за 2005-2009 годы) стал реакцией на увеличение рыночного спроса на сотрудников с высшим образованием. В настоящее время частные вузы составляют 20% от общего числа вузов Вьетнама, в них обучается около 15% студентов страны. Роль частных вузов растет, так как они удовлетворяют часть спроса на высшее образование и снижают нагрузку на государственные университеты, тем самым способствуя сокращению выделяемых на высшее образование бюджетных средств.

В целом частные вузы во Вьетнаме удовлетворяют спрос на массовое образование. При этом они уступают государственным вузам и по размерам, и по количеству студентов и преподавателей, и по качеству. В них существуют как социальные, так и институциональные проблемы. В настоящее время вопросы управления и регулирования стоят настолько остро, что ставят под угрозу само существование частных вузов. Для поиска надежных и реалистичных решений сложившихся проблем в 2015 году было проведено качественное полевое исследование вьетнамских частных вузов. Была проанализирована документация и проведены интервью с представителями правления и руководства семи различающихся по местонахождению, размеру, репутации, истории и образовательным программам вузов. Выборка вузов была хорошо продумана.

Внутренние конфликты

Как и в других странах, во Вьетнаме во главе частных университетов обычно стоят ректор и правление. Однако объем полномочий каждого из этих субъектов различается в зависимости от страны. Во Вьетнаме правление университета официально называется советом директоров (Hội đồng quản trị), что по названию и по функциям полностью совпадает с коммерческими компаниями. Члены правления выполняют роль инвесторов,

совладельцев и других влиятельных стейкхолдеров университетов. Каждый из них получает дивиденды, а вес каждого голоса распределяется в соответствии с объемом вложенных финансовых инвестиций. Правление назначает ректора, который выполняет роль главного управляющего. Считается, что ректор, который, как правило, вносит минимальный или вообще не вносит финансовый вклад в университет, представляет интересы профессорско-преподавательского состава. Иногда ректор может одновременно быть членом правления, тогда значимость его голоса тоже будет зависеть от объема вложенных финансовых средств.

В ходе интервью с членами правления и административными руководителями вузов выяснилось, что между ними нередко возникает напряженность. Члены правления заинтересованы в том, чтобы вуз был коммерчески успешным, для того чтобы их инвестиции окупались и вуз привлекал еще больше средств, а ректоры руководствуются тем, что деятельность университета как института общественного блага должна быть некоммерческой.

Анализ нормативных документов о высшем образовании, а именно Постановления № 58 от 2010 года, Постановления № 61 от 2009 года и Постановления № 63 от 2011 года, показывает, что сложившиеся в вузах непростые отношения между членами правления и ректорами являются результатом политики правительства, нацеленной на поддержку коммерческой составляющей деятельности частных вузов. В результате практически все частные вузы Вьетнама становятся коммерческими организациями.

Недавно для решения этой проблемы было принято новое постановление (№ 70 от 2014 года), которое заменяет все предыдущие. В нем разъясняются различия между коммерческими и некоммерческими вузами с точки зрения их организационной структуры и распределения доходов. Тем не менее многие вопросы, связанные с организацией работы правления и финансовым регулированием, по-прежнему требуют внимания властей. Новое постановление подтверждает право инвесторов на материальную выгоду и такие же, как у акционеров корпораций, полномочия, хотя размер дивидендов для инвесторов вузов ограничен ставкой государственных облигаций (ст. 32 Постановления № 70 от 2014 года).

В настоящее время частные вузы составляют 20% от общего числа вузов Вьетнама, в них обучается около 15% студентов страны.

Внешние конфликты

Первая проблема, о которой говорили респонденты, – сложные и продолжительные бюрократические процедуры, связанные с получением лицензии на создание и открытие вуза. Кроме того, в первое десятилетие существования частного высшего образования вузы должны были соответствовать трудновыполнимым и крайне невыгодным требованиям земельного законодательства, требованиям к уставному капиталу и инфраструктуре.

Во-вторых, все без исключения респонденты жаловались на то, что правительство налагает на академическое сообщество неоправданные и часто даже деспотичные требования, которые мешают развитию вузов. На вьетнамские вузы и ученых налагаются ограничения в автономии и академической свободе. Самыми яркими примерами являются обязательные к приему во всех университетах результаты единого национального вступительного экзамена; жесткие минимальные проходные баллы для абитуриентов всех университетов; требование запрашивания в Министерстве образования одобрения на реализацию запланированных учебных программ и контрольных цифр приема перед каждым учебным годом; система единых национальных учебных планов, предусматривающих посвящение одной шестой части объема каждой образовательной программы изучению коммунизма и основ национальной обороны.

В-третьих, система внешнего контроля над вузами существенно менялась в зависимости от того, кто находился у власти в тот или иной момент. Одна из респонденток рассказала о том, что нынешние представители местной власти, в отличие от предыдущих, регулярно приходят в ее вуз с проверками, касающимися учебных планов и управления финансами.

Ограничения и неравноправие

Согласно закону об образовании от 2005 года, закону о высшем образовании от 2012 года и другим нормативным документам, частные вузы Вьетнама не получают государственное финансирование. Однако в 2008 году правительство решило стимулировать повышение уровня социализации (то есть общественного участия) в сфере образования, профессионально-технической подготовки, здравоохранения, культуры, спорта и охраны окружающей среды. Благодаря этой политике частные вузы получили право на льготы при строительстве, право долгосрочной аренды земли, право (в некоторых случаях) на льготные ссуды и возможность платить налог на прибыль по более привлекательной ставке. Однако на практике не все вузы смогли в равной мере воспользоваться этими возможностями, что было связано с готовностью и способностью местных властей им помогать. При этом государственные вузы получают достаточно бюджетных средств на строительство новых зданий, закупку оборудования, ежегодную индексацию заработной платы, выплату исследовательских грантов и стипендий для сотрудников.

Если же говорить о повышении доступности образования, существует всего одна государственная программа льготных кредитов, реализуемая через систему социальных банков. Впрочем, эта программа не слишком помогла студентам, т.к., во-первых, выделяемые на одного человека средства невелики, а во-вторых, известно много случаев злоупотребления этими деньгами.

Рекомендации и заключение

Проблемы управления и налагаемые правительством ограничения ставят выживание и развитие частных вузов во Вьетнаме под угрозу. Эти вопросы должны быть как можно скорее решены путем пересмотра текущего законодательства и политики. Для решения внутривузовских конфликтов необходимо более четко выделить и описать критерии различения коммерческих вузов и всех остальных, причем не только с точки зрения полномочий руководящих органов, но и с точки зрения финансовых механизмов и управления. Внешние конфликты могут быть разрешены, если правительство смягчит давление на частные вузы и начнет больше им помогать. Необходима здоровая конкуренция в сфере предоставления кредитов на образование, стипендий для студентов, грантов для преподавателей, а также более справедливое и основанное на интеллектуальных достижениях распределение средств между вузами. Для привлечения инвестиций в некоммерческие частные вузы стоит освободить инвесторов от уплаты подоходного налога или хотя бы снизить ставку. Можно предположить, что в случае успешного введения подобной налоговой политики во вьетнамском обществе сложится традиция и культура, благодаря которой доноры некоммерческих частных вузов уже не будут ждать от своих пожертвований финансовой выгоды.

Ключевая роль частных вузов в развитии высшего образования в Латинской Америке

Данте Х. Сальто

Данте Х. Сальто — постдокторант Национального университета Кордобы (Аргентина), внештатный исследователь центра PROPHE (программа по изучению частных вузов) Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США). E-mail: dantesalto@gmail.com.

В бюллетене «Международное высшее образование» регулярно публикуются статьи, подготовленные сотрудниками PROPHE.

См.: <http://www.albany.edu/~prophe>.

4-7 марта 2016 года состоялась встреча ведущих латиноамериканских исследователей и специалистов высшего образования, на которой обсуждались изменения и тенденции в этой области. На конференции поднимались разные вопросы, но тема частного высшего образования стала предметом многочисленных и серьезных дискуссий. В этой статье мы поговорим о тех вопросах, которые обсуждались на мартовской встрече. Например, о приватизации и сравнении частного и государственного сектора.

Во время конференции не раз подчеркивалось, что любое серьезное обсуждение высшего образования и образовательной политики в Латинской Америке не может обходить стороной вопросы частного высшего образования. Это неудивительно, так как более 40% всех студентов на континенте учатся в частных вузах (данные PROPHE). Частные вузы имеют чрезвычайно большое значение в ряде областей, включая качество и доступность высшего образования, расширение образовательной системы и политику ее регулирования (в т.ч. систему аккредитования), внедрение новых принципов общественного управления, академические и репутационные рейтинги, коррупцию и пр.

Во время конференции не раз подчеркивалось, что любое серьезное обсуждение высшего образования и образовательной политики в Латинской Америке не может обходить стороной вопросы частного высшего образования.

Роль в развитии региона

Многие события и тенденции, связанные с расширением региональной системы высшего образования, обсуждавшиеся во время конференции, стали результатом диверсификации внутри государственного и частного секторов. Один из ключевых докладчиков, Франсиско Мармолейо (координатор проектов и ведущий специалист по изучению высшего образования Всемирного банка), перечислил основные для региона проблемы развития высшего образования, вызванные расширением «окна демографического благоприятствования», когда взрослые трудоспособного возраста все чаще решают пойти учиться.

Сегодня спрос на высшее образование наблюдается не только со стороны молодежи, но и со стороны других, более возрастных групп населения, о которых ни государственные, ни частные вузы раньше не задумывались. Зато на эти группы все чаще ориентируются альтернативные частные образовательные учреждения, нередко не имеющие права выдавать дипломы о высшем образовании, а также недавно созданные государственные организации. Таким образом, частный сектор уже играет и будет играть ключевую роль в сфере образования и продолжит частично снижать спрос, не удовлетворенный традиционными учебными учреждениями.

Диверсификация высшего образования ставит перед регулирующими органами новые задачи, например контроль качества. В Латинской Америке широко распространена система формальной оценки качества, ориентированная на «оптимальную» модель вуза и наиболее престижные государственные вузы. Сейчас встает задача подстройки под условия, при которых вузы заявляют разные стратегические цели и в частном секторе появляются новые образовательные формы.

Другие докладчики подчеркивали, что диверсификация и приватизация высшего образования связаны не только с частным сектором. Под воздействием реформ, направленных на развитие рыночной экономики, государственные вузы многих стран региона занялись внутренней приватизацией. Следуя за мировыми тенденциями, государственные вузы используют для приватизации разные стратегии. Основной мотив приватизации, который часто бывает довольно неоднозначным, состоит в получении дополнительного дохода. Государственные вузы все чаще ищут независимое от государства финансирование и все чаще инициируют государственно-частные партнерства, постепенно становясь менее зависимыми от госбюджета. В докладах наглядно иллюстрировалось, как государственные вузы адаптируют характерные для частного сектора механизмы, что преподносится как реформа системы управления, но на деле все больше размывает границы между государственными и частными вузами. Некоторые спикеры задавались вопросом, в какой мере этот тренд свидетельствует о распространении предпринимательской культуры в подстраивающихся под меняющиеся условия государственных вузах.

Традиционные и новые формы приватизации

Некоторые проблемы высшего образования в Латинской Америке существуют давно, другие появились недавно, при этом большинство из них вызвано такими факторами, как демография, политические или экономические изменения. В литературе, посвященной событиям прошлых лет и современным тенденциям, показано, как менялся сектор частного высшего образования. Существуют исследования и о том, как

государственная политика препятствовала расширению частного сектора, и о том, как она, наоборот, помогала развитию частных вузов. Примечательно, что границы между частным и государственным сектором действительно размываются, причем частные вузы все смелее говорят о том, что помогают достижению декларируемых правительством общественно значимых целей, например способствуют повышению доступности высшего образования.

Конечно, постоянное расширение приема в частные вузы с целью повышения доступности образования (главенствующая тема в обсуждениях латиноамериканской образовательной политики последних пятидесяти лет) привлекало внимание к этим вузам, потому что во многом именно благодаря им высшее образование стало более доступным. Но на прошедшей конференции больше обсуждались текущие вопросы, например об их роли в распространении новых, меняющихся форм обучения. В некоторых странах региона теперь легально разрешены коммерческие вузы. Разрыв с традицией и отход от традиционных норм ведут к противоречиям. Больше всего коммерческих вузов в крупнейшей (с точки зрения абсолютного числа студентов) стране региона — Бразилии. В Бразилии такие вузы не просто разрешены, но их еще и материально поощряют к тому, чтобы сделать образование более доступным для тех, кто этого хочет. Аналогичная тенденция (но во внеуниверситетском секторе) наблюдается в Перу, Боливии и Чили.

Ландшафт высшего образования Латинской Америки меняется под влиянием и других аспектов «американизированного» менеджериализма (хотя они и не так значимы, как рост количества коммерческих вузов). Давно подмечено, что подобный управленческий подход очень распространен в частном высшем образовании Латинской Америки. К примеру, частные вузы предпочитают нанимать профессиональных управленцев, вместо того чтобы предлагать преподавателям брать на себя административные функции. Однако участники конференции приводили примеры и из жизни государственных вузов, особенно созданных относительно недавно. К тому же теперь даже государственные вузы привлекают на управленческие позиции внешних людей. Считается, что таким образом повышается прозрачность университетов и инструментов контроля со стороны внешних стейкхолдеров и общественности. Эта тенденция тоже указывает на размывание традиционных границ между частным и государственным высшим образованием.

Текущие исследования о частном высшем образовании

Наконец, на конференции было уделено внимание крупным исследовательским проектам по изучению меняющегося ландшафта частного высшего образования в Латинской Америке и связанных с этим вопросов частного-государственного партнерства. Большая роль

в изучении этих процессов принадлежит региональным агентствам, консорциумам и исследовательским центрам. Хосе-Хокан Бруннер, один из участников конференции и координатор Межуниверситетского центра развития CINDA, рассказал о недавно опубликованных его центром исследованиях о высшем образовании в Латинской Америке и роли частных вузов в его развитии. Межамериканский банк развития подготовил доклад о частном высшем образовании на континенте, который сейчас находится на стадии корректуры. Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже участвует в проекте по исследованию интернационализации католических университетов. А центр PROPHE изучает вопросы частного высшего образования в Латинской Америке в глобальном контексте.

К каким бы выводам ни пришли авторы современных исследований, участники саммита опирались на уже имеющиеся знания. В общем и целом, обсуждая актуальные проблемы высшего образования в Латинской Америке, они не раз отмечали, что частные вузы, и в частности элементы приватизации в образовательном секторе, имеют огромное значение для развития высшего образования на континенте.

Диверсификация источников дохода и реформы в эфиопском высшем образовании

Кибром Менгисту Фелеке

Кибром Менгисту Фелеке — преподаватель и научный сотрудник факультета психологии Бахр-Дарского университета, Эфиопия; магистр по управлению в высшем образовании. E-mail: kbmen1973@yahoo.com.

Еще пару десятков лет назад систему высшего образования Эфиопии можно было охарактеризовать как малодоступную, не предоставляющую равные возможности, недофинансированную, с низким качеством образования и исследований. Для того чтобы сделать высшее образование более доступным, качественным, современным и эффективным, а также для того, чтобы обеспечить равенство возможностей для всех граждан страны, в 1994 году правительство Эфиопии запустило ряд крупномасштабных реформ и инициировало смену политического курса в сфере высшего образования.

Результатом реформ стало значительное расширение за прошедшие два десятилетия системы высшего образования страны: количество государственных университетов выросло с 2 до 36. А в 1997 году начал развиваться частный сектор высшего образования, и теперь в Эфиопии 98 частных вузов, в которых учатся в общей сложности около 15% студентов страны. В результате такого стремительного расширения системы численность студентов бакалавриата в стране выросла с примерно 35 000 в 1996 году до 593 571 в 2014-м. Таким образом, количество обучающихся увеличилось с 0,8% соответствующей возрастной группы в 1996 году до 9,4% в 2014 году.

В общем, огромные государственные инвестиции в высшее образование последних 20 лет привели к открытию новых университетов, повышению доступности образования, большему разнообразию образовательных программ и более чем шестикратному увеличению численности студентов. Это действительно выдающиеся достижения. Однако для содержания этой резко расширившейся системы необходимо наличие постоянных, надежных источников государственного финансирования.

Финансовые трудности

Система высшего образования Эфиопии практически на 100% финансово зависит от правительства. Нынешние темпы роста можно удержать только при наличии адекватного и стабильного финансирования. В 2000 году правительство увеличило долю расходов на высшее образование в государственном бюджете. Одновременно с этим доля расходов на высшее образование среди образовательных расходов в целом возросла с 15% приблизительно до 30%.

Однако, несмотря на существенное увеличение расходов на высшее образование, бюджетных средств недостаточно для поддержки резко расширившейся системы. В сложившихся условиях университеты ищут способы обеспечить ресурсами растущие потребности. Финансовые проблемы только усугубились в связи с переориентацией с малозатратных образовательных программ в сфере социальных наук на высокзатратные естественно-научные и технические программы в рамках политики «70:30». (В соответствии с политикой «70:30» 70% студентов бакалавриата в государственных университетах должны изучать естественные науки, 30% — социальные науки.) Несмотря на сложившиеся финансовые условия, система продолжает расширяться: по планам к 2020 году откроется еще 11 университетов, что позволит еще больше повысить доступность высшего образования.

Все это свидетельствует о том, что эфиопским университетам, чтобы удовлетворить свои растущие потребности, необходимо искать другие, негосударственные источники дохода. Чтобы стать более финансово устойчивыми, им нужно научиться диверсифицировать доходы.

Необходимость диверсификации источников дохода

Финансовая жизнеспособность эфиопской системы высшего образования, стремящейся удовлетворить высокий спрос на образование, во многом зависит от возможностей отдельных вузов по диверсификации источников дохода. Диверсификация помогает развивающейся системе образования стать более устойчивой в условиях недостаточного государственного бюджета. Активная деятельность вузов по поиску новых источников дохода помогает снизить их зависимость от правительства и сократить риски, связанные с изменениями бюджета.

Для того чтобы сделать высшее образование более доступным, качественным, современным и эффективным, а также для того, чтобы обеспечить равенство возможностей для всех граждан страны, в 1994 году правительство Эфиопии запустило ряд крупномасштабных реформ и инициировало смену политического курса в сфере высшего образования.

В существующих условиях массовизации высшего образования и отсутствия у правительства возможности обеспечить адекватное финансирование государственных вузов должны диверсифицировать свои доходы, привлекая дополнительную прибыль из негосударственных источников. Диверсификация источников дохода позволяет эфиопским вузам получать дополнительную прибыль, которая используется для улучшения образовательной инфраструктуры.

Эфиопский манифест о высшем образовании дает государственным университетам полную свободу в поиске новых источников дохода в дополнение к получаемым ими бюджетным средствам. В этом манифесте прописаны общие принципы политики и реформ

в сфере высшего образования. Образовательная политика благоприятствует поиску вузами альтернативных источников дохода. Вследствие этого вузы вольны зачислять платных студентов, предлагать платные образовательные услуги, принимать пожертвования, создавать коммерческие структуры или предпринимать любые другие правомерные действия, направленные на повышение доходов.

Институциональные тенденции

Сложившийся благоприятный политический климат позволяет эфиопским вузам разрабатывать механизмы привлечения дополнительных средств из негосударственных источников. В настоящее время значительную долю этих доходов почти во всех университетах обеспечивают платные студенты. Соответственно, деньги, которые студенты платят за обучение, стали для эфиопских вузов одним из основных источников внебюджетных доходов. Помимо этого, университеты все чаще зарабатывают, проводя исследования, тренинги или консультационные работы по контракту. Значительный объем средств поступает в последнее время за счет пожертвований, грантов и двусторонних соглашений.

В соответствии с законом любые доходные организации также могут функционировать в формате коммерческих компаний. Для того чтобы получать дополнительные доходы, некоторые университеты начали создавать коммерческие структуры.

Помимо этого, некоторые университеты участвуют в развитии образовательных, исследовательских и производственных партнерств, что помогает им получать гранты и пожертвования. В результате всех этих усилий доходы многих государственных университетов от платных образовательных услуг, грантов, исследовательских проектов, различных видов коммерческой деятельности и т.д. значительно возросли.

Институциональные различия и неравенство доходов

Университеты различаются с точки зрения возраста, местоположения, особенностей профессорско-преподавательского состава, качества выпускников и разнообразия предлагаемых образовательных программ. Из-за этого у разных университетов разные возможности по привлечению дополнительного финансирования. Более старые и солидные университеты чаще получают гранты и пожертвования от коммерческих организаций и доноров, а молодые вузы, наоборот, редко получают средства из этих источников. Кроме того, у университетов, расположенных в менее развитых регионах страны, меньше возможностей по сравнению с университетами развитых регионов и городов.

Угроза качеству

Университеты, предлагающие образование по наиболее востребованным специальностям, более успешны в привлечении платных студентов. Многие вузы ориентируются на рынок и, стремясь привлечь платных студентов, открывают новые программы, даже не обладая необходимыми для реализации таких программ ресурсами. Другие университеты снижают вступительные требования к абитуриентам, чтобы зачислить как можно больше платных студентов и таким образом увеличить свой доход. Это ведет к снижению качества образования.

Путь вперед

В целом государственные университеты Эфиопии обладают серьезным потенциалом с точки зрения предоставления промышленным предприятиям и коммерческим организациям различных платных услуг и увеличения тем самым своих доходов. Опыт многих вузов показывает, что они уделяют огромное внимание привлечению средств из негосударственных источников для поддержания текущей деятельности.

Несмотря на обнадеживающий политический ландшафт, используемые вузами стратегии по привлечению средств ориентируются, как правило, лишь на немногочисленные традиционные источники дохода, поэтому провести эффективную диверсификацию удалось лишь единицам. К тому же во многих вузах деятельность по привлечению финансирования не получает никакой систематической и стратегической поддержки. То есть можно сказать, что существующие возможности используются не в полном объеме.

Успешная институционализация новых стратегий и успешная диверсификация источников дохода требует от вузов создания соответствующих административных структур. Средства, привлеченные из различных источников, должны быть использованы в первую очередь на реализацию основных задач университета. Для этого университетам нужна высокая доля автономии по управлению привлеченными средствами, а между тем в стране известны случаи внешнего вмешательства в жизнь вузов. Вузы должны стимулировать участие сотрудников в приносящих прибыль проектах, создавая механизмы поощрения.

Доля доходов вузов из негосударственных источников увеличивается, они дополняют бюджетное финансирование. А значит, диверсификация источников дохода должна рассматриваться как способ привлечь добавочное финансирование и запустить побочные виды деятельности. Тем не менее в погоне за новыми источниками дохода университеты не должны забывать о своих базовых ценностях.

Высшее образование на Западных Балканах: тенденции и трудности последних лет

Люция Брайкович

Люция Брайкович — старший научный сотрудник Американского совета по образованию. E-mail: lbrajkovic@acenet.edu.

Последние реформы и изменения в европейском высшем образовании очень активно обсуждались, исследовались и описывались. Однако юго-восточная часть Европы, а именно семь стран Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Македония, Сербия, Хорватия, Черногория), где проживает в общей сложности 22,7 млн человек, по-прежнему остается без внимания. Во многом это связано с отсутствием в этих странах системы сбора информации о высшем образовании на национальном и институциональном уровне. В этой статье мы покажем и проанализируем несколько наиболее ярких проблем, которыми характеризуется академический сектор в этом регионе.

Зачисление, уровень отсева и структурные проблемы

Большинство студентов Западных Балкан учится в государственных вузах. В среднем почти половина всей молодежи студенческого возраста поступает в вузы, что относительно много, однако уровень отсева довольно велик. По имеющимся оценкам, не более 40% студентов в Хорватии, Македонии и Албании получают диплом в течение 10 лет после зачисления. Подобные невысокие результаты, а также структурные ограничения и высокий уровень безработицы являются крупными для западнобалканского региона проблемами.

Большинство студентов Западных Балкан учится в государственных вузах.

После войн начала 1990-х годов, обозначивших окончательный распад социалистической Югославии, большинство стран региона прошло через трудный переходный период. Политические и структурные проблемы (неэффективное чиновничество, низкая прозрачность деятельности правительства, коррупция)

сказались и на академическом секторе, потому что вузы этих стран подчиняются правительству. Кроме того, система высшего образования в странах региона испытывала влияние постоянно меняющейся, нередко противоречивой политики в условиях регулярной смены находящихся у власти политических сил (консерваторы начинали менять принятое ранее либералами законодательство, и наоборот). Подобный социально-политический контекст привел к стагнации на пути к долгосрочным национальным стратегическим целям. Университеты Западных Балкан по-прежнему практически полностью финансово зависят от государства, и правительства активно принимают участие в вопросах распределения выделенных вузам средств. Вузы также вынуждены неукоснительно следовать правительственным директивами и в вопросах определения контрольных цифр приема и зарплат сотрудников. Местное академическое сообщество призывает к реформам: они выступают за повышение автономии вузов, отказ от прямого государственного контроля, повышение качества образования и научной продуктивности, а также профессионализацию управленческих кадров в вузах.

Еще одна структурная проблема связана с отсутствием системной финансовой поддержки абитуриентов из бедных и неблагополучных семей, способствующей обеспечению равного доступа к высшему образованию и помогающей этим студентам успешно завершать обучение. В некоторых странах региона определенные категории студентов могут учиться бесплатно, существуют национальные стипендиальные программы, а некоторые вузы выделяют своим студентам финансовую помощь. Тем не менее выделяемые на одного человека средства не позволяют покрыть все расходы на обучение, учебные материалы и проживание. Некоторые страны разрабатывают более системные подходы финансовой поддержки студентов (в Хорватии над проектом работает Институт развития образования).

Рост частного сектора

Стремительный рост частного высшего образования в странах Западных Балкан обусловлен особенностями политической системы, а именно переходом от социализма к рыночной экономике, а также резким повышением спроса на образование. Правительства некоторых стран, прежде всего вовлеченных в вооруженные конфликты после распада Югославии, не могли уделять достаточно внимания вопросам образовательной политики и выработки стратегии, что привело к особенно быстрому распространению частных, часто коммерческих вузов.

По большей части опыт расширения частного высшего образования в этих странах нельзя охарактеризовать как положительный. Частные вузы считаются второсортными, и в них идут учиться те, кто не смог поступить в государственный университет. В странах,

где статус университета недостаточно четко прописан, частные учебные заведения нередко называют себя «университетами», даже если на самом деле предлагают только программы двухгодичного или профессионально-технического образования. На системном уровне появление частных вузов не привело к существенной диверсификации доступных образовательных программ, так как подавляющее большинство из них обучают преимущественно по таким востребованным на рынке направлениям, как предпринимательское дело, информационные технологии и туризм. Частные вузы на Западных Балканах обычно не располагают значительными ресурсами и с точки зрения кадров во многом зависят от преподавателей государственных вузов, которые работают в частных вузах по совместительству. Они нанимают практиков и преподавателей без степени PhD, заключают с ними временные контракты, нередко на неполную ставку, — все это очень распространено. «Блуждание» преподавателей между вузами отрицательно сказывается на качестве образования в государственном секторе. В некоторых странах региона слышны настойчивые призывы усилить контроль за частными вузами и сделать их более прозрачными.

Финансовая помощь Европейского союза

Европейская риторика необходимости поддержки «экономики знаний» проникла и на Западные Балканы. И хотя страны — члены ЕС и даже кандидаты на вступление в ЕС имеют право участвовать в конкурсах на получение европейского финансирования на исследования, вузам данного региона сложно это делать. Правительства их стран обладают и без того скромными ресурсами, в отличие от более развитых стран ЕС, которые много вкладывают в развитие инфраструктуры и компетенций, необходимых для успешного участия в этих проектах. Соответственно, западнобалканские вузы получают мало средств от Европейского союза, поскольку используемые ЕС механизмы их распределения устроены таким образом, что только способствуют поддержанию установившегося в Европе статус-кво. Если эти механизмы не будут пересмотрены, разрыв между богатыми западно-европейскими странами и европейской периферией с точки зрения качества образования и продуктивности научной работы только продолжит увеличиваться.

Что необходимо учесть

Подводя итоги, хочется сказать о том, что лидерам западнобалканских стран необходимо разрабатывать такую политику, которая бы отвечала национальным нуждам, соответствовала сложившимся общественно-политическим и экономическим обстоятельствам и была подкреплена необходимыми ресурсами. Многие на Западных Балканах считают, что необходимо равняться на более развитые страны ЕС, которые могут себе позволить гораздо больше тратить на высшее

образование в абсолютных цифрах. Тем не менее опыт стран, прошедших через переходный период, особенно в западнобалканском регионе, показывает, что развитые европейские общества никогда не сталкивались с сочетанием таких институциональных и системных проблем, с которыми столкнулись эти страны: например, жесткий контроль со стороны правительства и одновременно крайне неэффективная бюрократия, отсутствие долгосрочной стратегии и расцвет коррупции. Без учета этих факторов простое заимствование разнообразных подходов и стратегий может только усугубить проблемы высшего образования этих стран.

.....

Новости Центра по изучению международного высшего образования

Мы рады сообщить, что теперь благодаря сотрудничеству с Агентством университетов Франкофонии будет выходить и франкоязычная версия «Международного высшего образования». Таким образом, наш журнал выходит уже на семи языках, что делает его, пожалуй, «беспрецедентно международным» изданием в области высшего образования. Мы с удовольствием помогаем коллегам всего мира в подготовке журналов, разрабатываемых по модели МВО, об особенностях высшего образования в разных регионах. Так, недавно, благодаря Фонду HEAD в Сингапуре, были созданы условия для издания бюллетеня Higher Education in Singapore and Beyond. А в результате сотрудничества исследователей Центра по изучению международного высшего образования и наших коллег из Центра практических и стратегических образовательных исследований Папского католического университета Чили (CEPPE) и бразильского Союза высших учебных заведений (SEMESP), занимающихся изданием испано- и португальскоязычных версий МВО соответственно, а также исследователей из колумбийского Университета дель Норте скоро появится новое издание, которое будет посвящено вопросам высшего образования в Латинской Америке и будет выходить на двух языках — испанском и португальском.

В последние месяцы наш центр помогал в проведении различных семинаров по повышению профессиональной квалификации. В июне (совместно с Институтом международного лидерства (GLI) Бостонского колледжа) мы провели двухнедельный курс для 22 преподавателей и административных сотрудников российских вузов — участников Проекта 5-100. Этот курс был посвящен интернационализации высшего образования. В рамках этого же курса в октябре 2016 года пройдет европейский модуль, в подготовке которого участвует Центр интернационализации высшего

образования (CNEI) Католического университета Святого Сердца в Милане. Завершится курс итоговым семинаром в России, который состоится в начале 2017 года.

В июле мы (снова совместно с Институтом международного лидерства) провели летнюю школу для участников исследовательской программы Объединенного совета за христианское высшее образование в Азии. В этой трехнедельной программе профессиональной переподготовки и обучения лидерским навыкам участвовало 19 исследователей из различных азиатских стран. Еще мы помогали в организации совместного с World Education Services двухдневного летнего семинара 2016 года по теме «Меняющийся ландшафт мирового высшего образования и международной студенческой мобильности». В конце лета мы провели однодневный симпозиум по интернационализации для 35 сотрудников Университета Гвадалахары в Мексике, в подготовке которого участвовали Институт Unnivers и агентство Reisberg&Associates.

Наш центр продолжает активно публиковаться. За последние месяцы вышло два новых номера в серии CINE Perspectives: Global Dimensions of the Boston College Lynch School of Education: Analysis of a Faculty Survey (CINE Perspectives No. 2) и Catholic Universities: Identity and Internationalization, A Pilot Project (CINE Perspectives No. 3). Последний из них увидел свет благодаря гранту от Фонда им. Лукшича, который финансово поддерживает сотрудничество между Бостонским колледжем и Папским католическим университетом Чили. Благодаря этой поддержке наш центр запустил масштабный исследовательский проект по изучению идентичности и интернационализации католических вузов, запланированный на 2016-2017 годы. В ближайшие месяцы в издательстве «Рутледж» должна выйти новая книга под редакцией Марии Юдкевич, Филипа Дж. Альтбаха и Лоры Рамбли. Она будет называться International Faculty in Higher Education: Comparative Perspectives on Recruitment, Integration, and Impact.

Мы также запускаем исследование, посвященное изучению различий в академической системе 12 разных стран. Эта работа стала возможна благодаря финансовой поддержке Фонда им. Кёрбера. В исследовании будут участвовать основатель центра Ф. Дж. Альтбах, его нынешний директор Ханс де Вит и научный сотрудник Лиз Райзберг.

Наши сотрудники постоянно в движении: они посещают разнообразные американские и международные конференции. В августе Х. де Вит и Л. Рамбли приняли активное участие в Первом международном симпозиуме NEFAALA, организованном в Университете Квазулу-Натал (Дурбан, ЮАР) Дэмтью Теферрой — директором дружественной нашему центру Международной сети по вопросам высшего образования в Африке (INHEA). В сентябре Л. Рамбли представляла наш центр на ежегодной конференции Европейской ассоциации международного образования (EAIE)

в Ливерпуле, Великобритания. В ноябре Х. де Вит и Л. Рамбли посетят Колумбус (штат Огайо), где пройдет ежегодная конференция Ассоциации по изучению высшего образования (ASHE).

В октябре Х. де Вит готовится выступить на ежегодной конференции Ассоциации американских колледжей и университетов (AAC&U) в Денвере, а в ноябре — на 50-й, юбилейной конференции Канадского бюро международного образования (СВМЕ) в Оттаве. В октябре он также примет участие в международном семинаре, который пройдет в Университете штата Кампинас (Бразилия), а в сентябре выступил в Милане на научно-исследовательском семинаре для аспирантов Центра интернационализации высшего образования.

В августе основатель центра Ф. Дж. Альтбах побывал в Сингапуре и Малайзии по приглашению Фонда HEAD, старшим консультантом которого он является. Он также прочитал несколько лекций и провел ряд семинаров. Он продолжает быть членом совета российского Проекта 5-100 и приедет на его октябрьское заседание, которое пройдет в Казани.

В сентябре началось обучение на нашей новой магистерской программе по международному высшему образованию. Помимо этого, в текущем семестре у нас три новых ассистента из числа аспирантов: Эдвард Чой (Южная Корея), Лиза Унангст (США) и Айначю Волдегийоргис (Эфиопия). Они будут работать вместе с аспиранткой третьего года обучения Георгианой Михут (Румыния). Мы выражаем благодарность нашей аспирантке Ариане Де Гайардон, которая работала с нами на протяжении последних трех лет и внесла существенный вклад в развитие центра в целом и журнала «Международное высшее образование» в частности. В грядущем семестре к нам приедут стажироваться исследователи из разных стран: Даниэла Крачюн (Венгрия), Хан Гао (Китай), Нянь Цай Лю (Китай), Патрик МакГриви (Ливан), Адриана Перес-Энсинас (Испания) и Мишель Витал (США). Летом у нас стажировались Йос Белен (Нидерланды) и Ребекка Холл (Австралия), а также студентка Колледжа Вильяма и Мэри Сара ВанКирк, которая нам очень помогла.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

87

Осень
2016

